

АНДРЕЙ ШУМ

ВЕЛЛОЭНС

царские игры

Андрей Шум

Веллоэнс. Царские игры

«Издательские решения»

Шум А.

Веллоэнс. Царские игры / А. Шум — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835828-9

Юный Авенир, выжив после схватки с одержимым правителем Зуритаем, начинает жизнь заново. Встреча с бывшим наставником и соратником Мархом побуждает его возобновить путь в Царство Веллоэнс и вернуть к жизни старых друзей — Пармена и Корво. Тем временем в Царстве наступает разделение. Трое братьев и сестра желают управлять независимо друг от друга. Со всех уголков Новой земли, стряхнув тень сна, собираются неведомые силы...

ISBN 978-5-44-835828-9

© Шум А.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Пролог	6
Глава 1. Элхои	7
Глава 2. Изгнание	13
Глава 3. Прецарствие	17
Глава 4. Авенир	22
Глава 5. Моргот	29
Глава 6. Дожи	34
Глава 7. Андор	41
Глава 8. Лавьен	49
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Веллоэнс. Царские игры

Андрей Шум

© Андрей Шум, 2016

© Юлия Ольшевская, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-5828-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Пролог

«Через времена и пространства несется первоискра Высшего, наделяя избранных небесной мудростью и силой. Созданное Рукибом Царство сохраняет хрупкое равновесие мира людей и духов. Временное полотно сложилось, объединяя два времени и мира, отсрочив приход новой эры. Спустя три века, ткань мироздания истончилась и потомки избранных позабыли о своем предназначении. На Веллоэнс ополчился могущественный противник. Управляя страстями людскими, ведет он к разрушению последнего оплота истины, ослабляя силу первоискры, подготавливает мир к приходу сурового хозяина.

Хранителям воли Высшего предначертано собраться в заветном Царстве и послушанием восьми остановить Ишгара. Гроумит назначен смотрящим за картиной Земли, Теграмтон же зрит за душами хранителей, подкрепляя и наставляя их в силе Сущего, обучая мастерству управления камнями.

Легенда повествует о священном лазурите – первом из восьми. Согласно древним текстам, сей камень возвышается над остальными. Будучи не тварной материей, но первоискрой Божьей, он сам избирает своего хранителя, создавая связь с Высшим – так, что человек становится пророком небесной воли, частью Эмпирея, явлением ангельской силы на земле. Сей хранитель будет выше избранных обитателей Веллоэнса, равен Теграмтону в человеческом облике – и в его силах защитить мир людей от духов. Но сможет ли он принять власть неба? Хватит ли мудрости разгадать козни бесплотных демонов и охладить пыл неправедных страстей?

Диптрен несет проклятие Моргота, обреченный на душевный терзания. Бессмертный, он ищет успокоение на темном острове, не зная различия между любовью и ненавистью, смелостью и страхом, радостью и болью. Когда одиночество становится невыносимым, изгой посещает разделенную землю. В его сознании нет понимания добра и зла, он мыслит шире, чем обычные люди и глубже, чем рожденные в Царстве. Его чуждаются все – люди, демоны, ангелы – но синеволосый юноша снисходителен к отвергнувшим его. Ведь господин всегда знает больше рабов».

Жилистая, с гладкой серой кожей, рука остановилась. Изыщные пальцы с фиолетовыми ногтями неуверенно перекачивали белое гусиное перо. Летописец вздохнул и бережно обернул инструмент холщовой тряпицей.

Глава 1. Элхои

Короткая оттепель сменилась вечной стужей. Снег на поверхности затвердел, превратился в ненадежную корку. Один неосторожный шаг – и хрупкий наст проломится, погрузив замерзшее тело в холодные иголки до паха.

Широкие полозья легко скользили по обледеневшей тропке. Сани смастерил забредший несколько лет тому охотник-трегонадец Хесэ. До этого поселенцам приходилось возить дрова, мясо и бочки с ключевой водой на старых скрипучих повозках. Колеса проскальзывали по белому покрывалу, оси промерзали и ломались. Вещица стала настоящим подарком. Оленья шкура, коей были подметаны полозья, позволяла легко перемещать сани вперед, взад же не катились – жесткие щетинки удерживали от скатывания даже с крутых холмов. Доски кондового дуба умело подогнаны – между пазами ни щели, дерево смазано рыбьим клеем и пропитано дегтем – не скрипит и не гниет, не поддается влажности и грибку, тепло держит добротно.

Сейчас воз был нагружен доверху. Монахи умело ступали по знакомым тропам, огибали опасные подснежные пустоты. Незнакомый с этими местами человек, очень скоро бы заблудился среди одинаково белых холмов, провалился бы в скрытую расщелину, сбился с пути в беспощадном буране.

Природа гневно обрушивала на процессию вихри острой ледяной крошки, ревела от ярости, норовила сбить с пути. Люди не обращали внимания на стихию. От каждого столбом валил пар, каждый ступал размеренно, напевал под нос псалмы, пальцы пересчитывали пузатые бочонки молитвенных четок.

Массивная снежная стена рассыпалась, открыв проход к спрятанному поселению – и сразу же заросла за их спинами.

По краю поселения стояла гряда ровных невысоких домиков. Стены из смазанных глиной травяных циновок развалились бы после первого ливня – но среди вечных снегов такой коврик достаточно прочен, чтобы выдержать напор ветра и помогает отщепенцам удерживать скудное тепло очага. За кельями прочно укоренились вековые, завоевавшие право на жизнь, деревья. Темная плотная кора просвечивала через наледь, толстые ветки уродливо тянулись к небу. Шерстяной чий закрывал вход в дупло, которое служило домом молитвенникам. За деревьями ледяной глыбой блестел сам монастырь. Серую стену отполировали суровые ветра, а холод затянул убогий дворец паутиной инея.

Врата храма бесшумно отворились и сани с монахами неспешно растворились во мгле. Внутри все заволокло дымкой – тусклого света лампад едва хватало, чтобы различить контуры тел. Через несколько минут глаза привыкнут и удастся разглядеть внутренности. Процессия находилась в небольшом зале, пустом, непримечательном. Стены выскоблены до белизны, на гвоздиках висят куцые медные жирнички, напротив входа углем нарисован незатейливый крест.

Монахи развязали сани. Под шкурами лежали подобранные странники. Мужчины размеренно, с удивляющим спокойствием, – будто по три раза на дню находят чужаков – переложили изувеченные тела на носилки, отнесли в молитвенную залу и аккуратно опустили перед алтарем. Из другой двери, ведущей в обедню, вышли двое.

Калит жил в монастыре не больше двадцати лет. Многие монахи провели здесь всю сознательную жизнь – он же пришел, будучи зрелым, перенесшим многие тяготы жизни, мужчиной. Тайрин появился в Элхои совсем недавно – с момента его пострига не прошло и одного круга времен. Старый монах подал знак – на алтаре зажгли фимиам. Молодой послушник, шепча молитвы, обходил по кругу тела, из узкогорлого кувшина тонкой струйкой стекал елей – на лоб, шею, живот, запястья и стопы. Подобранные напоминали мертвецов. Молодой в кровоподтеках, от мизинца левой руки через плечо по животу спускалась и исчезала у правой пятки

иссиня-черная трещина. На голову одет обруч с лазуритом – так вдавлен в кожу, что снять можно лишь распилив голову. Который постарше – лыс, одноглаз, на некогда мощной, а теперь посиневшей и разбитой груди расплзлась от раны паутина черных шрамов. Ноги переломаны в трех местах, тело в ссадинах – будто конь ташил волоком по буеракам и оврагам.

Тайрин окончил помазание и присоединился к остальной группе. Калит склонился над телами, вознёс молитвы Высшему. Кисти в руках старца плавно вырисовывали в воздухе таинственные знаки. Алтарь засветился, с умывальни истекал свет, волнами захлестывал каменный пол, вплотную подбирался к увечным. Прозрачные лучики перекинулись на елей, тела впитали легко, как иссохшая губка всасывает воду. Кожа потеплела, синева блёкла, кровоподтеки рассасывались. В жилах восстанавливала свой ток кровь, под кожей засветились кости, напитки-ваемые благодатным светом.

Старец, продолжая шептать псалмы, подозвал молодого послушника. Тот, благоговей, с трепетом поднес берестяной ковш. Руки дрожали – Тайрин боялся ненароком расплескать освященную воду из медной умывальни. Окуная пучок иссопа, аккуратно стряхивал драгоценные капли на мертвых – от лба до паха и по линии груди – справа налево.

Стройный молитвенный гул храмовой залы нарушили хрипы и всхлипы. Калит отложил кисти и прислонил ладони к телам. Несмотря на почтенный возраст, пальцы все также чутко ощущали жизненные линии тел. У каждого грудная клетка медленно поднималась – и судорожно сокращалась, выбрасывая пропитанный фимиамом воздух. Сердца бились слабо, нестройно, разум не приходил в сознание, но мужчины ожили, хотя и стояли на грани небытия.

Старец поднялся с колен. Монахи, не прерывая песнопений, также спокойно и стройно подняли тела и унесли в верхние комнаты.

Сезон морозов остался позади. Духи тепла просыпались, наливались новой силой и огненный небесный круг разгорался, дни теплели, птицы запели радостные песни. Снег сошел, только вековые ледники стояли угрюмо, сохраняя драгоценный холод. Монастырь Элхои преобразился. Гигантская снежная стена растаяла, обнажив дремавшие внутри кедры. Домики из циновок держались, по стенам поползли слабенькие росточки вьюнков, местами покрылись скудной зеленью. Шерстяные чии с дупел убрали, молитвенники раз в восемь дней вычищали, выскабливали жилища добела – дабы огромная живительная сила этих корявых горных деревьев, – уже позеленевших, с набухшими почками, – не исцелила свою незарастаемую рану.

Льдяная корка, покрывавшая монастырь, стаяла и блеск замерзшей воды сменился сияющей солнечной дымкой. Из-за марева здание на вид будто колыхалось в воздухе, походило на мираж, какой нередко можно встретить в жарких пустынях Манохи.

Авенир ощущал себя тухлой рыбой. Тело за месяц небытия исхудало, от мышц не осталось и следа. Кожа бледная, изголодавшаяся по солнцу. Дышалось трудно – ослабевшая диафрагма с трудом раздвигала легкие, те едва впитывали воздух. Это был пятый раз, когда выживший арудник приходил в себя. Первые два пробуждения длились несколько секунд, сопровождалась неимоверной болью. Суставы выламывало, голову зажимало кузничными клещами, каждый вздох сопровождали тяжелейшие корчи. В этот раз юноша просто лежал, не ощущая боли, не чувствуя и легкого ветерка, колыхавшего пламя священных лампад. Подумал, что уже все – умер, но, прислушавшись, уловил тихий звук собственного дыхания – а мары то не дышат, значит живой.

В дверь бесшумно вошел монах. Вытянутое лицо, длинная седая борода. В зеленых глазах играют молодые огоньки. От старца веяло отеческим теплом и Авенир почувствовал, как сердце наполняет покоем, что-то знакомое и невероятно желанное окатывает душу, заставляет ее согреться, раскрыться, пробуждает благодарность и детскую наивную радость...

Щеку обожгло. Это слеза проторила тонкую влажную полосу по иссохшей коже.

Калит улыбнулся. Тихо (но волхву показалось, будто обрушился небосвод) произнес:

– Выживешь. Тело восстановится, главное – душу успели удержать. Почивай, слаб пока.

Авенир прикрыл глаза. По коже бегали молнии – монах мазал елеем, рисовал знаки, шептал молитвы. Волхв не мог разобрать слова, узнавал лишь отдельные слоги. Устав слушать, погрузился в себя. Дышал размеренно, старался ощутить сердечный ритм, но не смог. Пытался вспомнить, что было, но память не возвращалась. Вгрызался мыслями в прошлое – тщетно, жизнь началась заново, искать что-то – как в молоке плыть – белым набело. Промучившись, разжал веки. Задышалось легче, внутри растекался приятный жар. Юноша захотел встать и с удивлением обнаружил, что не знает, как это сделать. «Ну и состояние».

Наверное, так чувствуют себя новорожденные, только вышедшие из материнской утробы, омытые и укутанные. Авенир сосредоточился, мысли побежали бойчее:

«Так, думать я могу, дышать тоже. Осталось овладеть движениями»

Сконцентрировался на ощущениях, представил себя со стороны.

«Так, правая нога сползает со скамьи... сползает... да что ж ты, сползай тупое животное!»

Глубоко вдохнул, задержал дыхание. Когда потолок раскрасило цветными кругами, выдохнул.

«Еще раз. Правая нога, не торопясь, спокойно...»

Упрямая конечность дрогнула. Через несколько минут пятка гордо свисала с края лежака. Нир мысленно напрягся, мышц не ощущал, но краем глаза видел, что движение – пусть, с быстротой улитки, но все же, идет. Нога сползла с доски, бессильно упала на пол. Тело передёрнуло, внутри заискрило, волхв хотел застонать, но смог лишь выдохнуть. Памяти не осталось, но хоть тело поддается. Осталось то – повернуться, спустить вторую ногу, схватиться руками за край скамьи и приподняться. Если чувство равновесия монахи не вырезали – то еще встать и побегать на радостях.

Пути назад не было. Авенир напрягал голову, силой мысли двигал конечности, дышал, представлял – и почти ощущал – бегущие по телу молнии. Хотел ругнуться, но в памяти не нашел ни одного выражения. Когда вторая нога ударилась об пол, не без радости отметил, что кожа что-то чувствует, да и мышцы тянутся. Преодолевая боль, встал, оперся о стену. В голове загудело, в глазах вспыхнули радужные кругляки, зашатало. Глубоко вдохнув, зажмурился, переждал приступ головокружения и огляделся.

Небольшая опрятная келья. Оконце задернуто соломенной шторкой, деревянный топчан, с коего юноша так тяжело слезал, закрытый истертой шкурой, возле стены полка со свитками и умывальня. С дрожью в ногах, опираясь обеими руками о белесую каменную стену, Авенир двинулся к медному тазу. Терпя боль, пронзавшую руки, набрал пригоршню воды, ударил ладонями в лицо. Сознание прояснилось, попавшие на тело капли молнией обожгли щеки. Волхв посмотрел в таз, глаза удивленно округлились.

С водной глади на него смотрело бледное лицо проснувшегося с перезимовки упыря. Кожа облепила череп, волос на макушке не было, ресниц и бровей тоже. Потухшие желтоватые глаза окутаны темными кругами, нос заострился, как у мертвеца. В лоб впился обруч с лазуритом, по краям холодного металла кожа посинела, вспухла. Тонкие пальцы, дрожа, скользнули ко лбу – онемевшая кожа не ощутила прикосновения, зато лазурит, то ли от падавших лучиков солнца, то ли от знакомых рук, тускло замерцал.

Дверь в келью отворилась, и волхв ощутил знакомое тепло. Калит спокойно подошел, правая рука обняла плечи, левая поддержала за бок. Монах аккуратно уложил обессиленного Авенира обратно на топчан, по-отечески пожурил:

– Прыток ты, родимый. Восстановишься скоро, но не мгновенно.

Юноша прошептал:

– Кто я? Сколько здесь?

Старец смотрел мирно:

– Ты человек. Живой, хотя был у врат преисподней. Нашёл недели две назад, когда собирал хворост. Береги силы, они нужны телу.

– Почему я ничего не помню? И почему... так выгляжу?

– Когда тебя мертвого положили в молитвенную, дух еще не исшел к отцам. Душа после смерти где-то три дня связана с телом, дальше – как Высший рассудит. Монахи заключили твой дух в алтаре и восстанавливали тело.

Калит потер висок:

– Изломан ты был нещадно. Кости, внутренние органы и мозг исцелили, но на это ушли силы и ткани почти всех твоих мышц. Потому такой стройный. Еще и обруч заговоренный, вестимо. Снять не смогли, оставили. У тебя с ним связь какая-то. Не колдовская – в этих местах все чары и заговоры рушатся. Видать, божественная.

Авенир закатил глаза, дыхание замедлилось. Смахнул усилием воли пелену сна, огляделся. Старец покинул келью. Волхв напрягся. В этот раз встать было легче, мышцы, хоть и слушались с трудом, но дерготой на раздавались. Схватил сложенную на табурете робу, накинул на истощенное тело. Плечи придавило, ноги задрожали от нагрузки. Шаг за шагом, думая – как бы не упасть, юноша дополз до выхода, с невероятным усилием приоткрыл дверь, в коридор прополз, как рак-разведчик, задом.

Повернувшись, ахнул. Вниз вела выщербленная каменная лестница. Ступени высокие, с одной стороны стена, с другой пустота. Любой мужчина легко бы спрыгнул на пол в проем, но для еле живого человека под тяжелой верблюжьей накидкой каждая ступень сулила опасность. Затаив дыхание, впившись пальцами в стену, волхв начал спускаться. Ноги подкашивались, на четвертой ступени в глазах все начало расплываться. Когда Авенир оказался внизу, лицо было усеяно крупными каплями, щеки покраснели, а тощие ребра вздымались аки кузнечные меха. Он проковылял через арку в затуманенный зал. Уши уловили тихие трели. Волхв двинулся к массивным воротам. Схватившись за кольцо, уперся в землю. От напряжения перехватило дух, обруч сдавил голову, по спине пошли судороги. Авенир наддал еще, от натуги на шее вздулись вены. Дерево тихо заскрипело, стало поддаваться, отходить. В лицо ударила стена солнечного света, легкие закололо от свежего весеннего воздуха.

Во дворе неровным полукругом сидели монахи. Одни держали на коленях барабаны, руки переплетались в неведомом танце и ударяли по тугой коже. Другие дули в флейты и свирели. Некоторые щипали натянутые на остов жилы. Музыка разливалась в пространстве, волхв мог поклясться, что видит цветастые лоскутья звуков. Послушники, которым не досталось инструментов, пританцовывали и подпевали. Двигаясь размеренно, они напоминали шепчущее море, то набегавшее волнами на берег, то неуверенно откатывающее обратно в океан.

Авенир застыл в нерешительности. Сердце заныло от мелодии, мысли улетучились, в голове звенел завораживающий ритм. Откуда-то изнутри, из души приходили слова, что-то до боли знакомое пробивалось наружу, рвало белые листы памяти. Обитатели скита жестами пригласили в круг, ободряюще восклицали. Юноша сдался эмоциям. Плечи вздымались неровно, иссохшее тело не слушалось, двигалось скупыми рывками, но с каждым движением силы приходили, накатывали волны тепла и счастья. Монахи вскидывали руки к небу, кто-то подпрыгивал, но в центре полянки был лишь волхв. Танец продолжался недолго, голоса и инструменты замолкали, лишь тихо, с хрипотцой, тянула флейта, да постукивал малый дхол. Слова вырывались наружу, слагались в рифмы, рифмы – в стихи, стихи – в песнь. Песнь ведала о покинутой любви, предательстве, тихо щебетала о тщете жизни, сомнениях и смерти друзей. Потом поднималась, взрывалась триумфом победы и веры, рисовала картины будущей славы и великой цели, ради которой не жалко и отдать жизнь.

Волхв пал на колени, обратив лицо к небу. По покрасневшимся щекам текли слезы, горькими валунами срываясь с подбородка. Один за другим, монахи опустились на колени,

склонили головы. Пение перешло в молитву, возношение Высшему, нестройную и грубую, но идущую из глубины души.

После восхвалений послушники отправились в обедню. Авенир присоединился, Калит великодушно разрешил – мол, поздоровел уже, способен и плотскую пищу вмещать. Столы тянулись рядами, с обеих сторон тяжелые каменные скамьи с кедровым седалищем. Юноша получил плошку овощной каши и хлеб, уселся супротив старца. Тот вкушал степенно, не поднимая взгляда, погруженный в мысли о высоком. Акудник оглянулся. Все ели размеренно, не торопясь, тихо вели беседы. В комнате стоял легкий гул – слов не разобрать, но и речам не мешает. Обратился к монаху:

– Отче, что со мной было? Сейчас, во дворе?

Старец не поднимал головы, челюсти размеренно двигались. Прожевав, с притворной сердитостью, буркнул:

– Я не отче тебе. Здесь все братия. Нет главных, настоятелей, авве и других. Все равны. А во дворе...

Калит отломил ржаной ломоть:

– Во дворе была твоя душа. Раскрылась, сильно раскрылась. Давно такого не было. Скоро значитца и память вернется – из души в голову. Очищенная память – без вредных примесей. Ты ешь, сил набирайся. Рано по монастырю гулять, да и неладно – без дела по палатам шастать.

Авенир отхлебнул из плошки. Аромат непривычный, вкус неплох. Горячее варево тягучей массой прошло по пищеводу. В желудке ощутил приятную тяжесть. Юноша приободрился:

– Я быстро сил набираюсь. Там, в келье – только моргнул, и уже взматерел.

Старый монах перестал жевать. Плечи затряслись. Сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, сказал:

– Там в келье? Это, сынок, было три недели назад. Тебя после прогулки по комнате так подкосило, что даже не почувял, как заснул сном богатырским. Зато братиям песнопения с молитвами храпом испохабил, весь мир из душ унес. Только кто «Высшему вознесем» запоет, из твоего окошка трели раздаются, гармонию сбивают.

Авенир ощутил, как уши зажгло, а к лицу прилила кровь. Он молча опустил ломоть в похлебку, не поднимая головы, ел. Калит не проронил ни слова. Когда трапеза окончилась, монах провёл юношу в комнату. Помещение небольшое, но светлое. Точь в точь, как келья старца, разве только еще несколько одеял да подушка на топчане. Юноша лег, укрылся одеялом, заелозил, подначивая под голову подушку. От живота растекалось приятное тепло, веки потяжелели. Где-то внутри трепетали мысли: кто же я, что случилось? С шумом выдохнул – сказал же старец, возвратится память, значит, дергаться не стоит. Сейчас надо спать, здоровье еще пригодится.

Во дворе за изгородью массивных деревьев среди невысоких домиков прогуливались двое. Стены зацвели, по наложенным пруткам вились толстые стебли, кое-где распустились оранжевые цветы. Одним был Калит. Другой – сбитый жилистый мужчина с загорелым, дубового цвета лицом и безволосой, словно отполированной макушкой. Черные глаза смотрели хмуро, то и дело метались, привычно выискивая опасность. Незнакомец раскрыл рот, послышался шершавый низкий голос:

– Как он себя чувствует?

Старец утвердительно кивнул, лицо осветила добрая улыбка.

– Что-нибудь помнит?

– Нет. Еще очень слаб, хотя восстанавливается быстро.

Мужчина печально вздохнул:

– Надеюсь, тело нальется силою скорее, чем вернется память. Зима закончилась, дороги открыты – но вряд ли я найду кого-то из соратников. Прошарил уже несколько верст – ни следа. Видимо их выбросило на скалы Первой Земли.

Обернулся, взглянул на почтенного монаха:

– Благодарствую, что исцелили мои недуги, вырастили глаза, срастили кости.

– За это хвала Единому. Мы всегда рады видеть пришедших с миром. И тех, кто когда-то был с нами, тоже.

– Пока что поживу за пределами монастыря. Буду искать утерянных. Авениру нельзя меня видеть – вспомнит друзей, от душевной боли сердце не выдержит. Он еще молод и слишком нежен духом.

Калит поклонился:

– Не переживай, Марх. Все братья предупреждены, а монахи нашего ордена умеют держать язык за зубами. Тебе ли не знать.

– Да, авве.

Мужчины поклонились. Старец вернулся в монастырь, Марх же исчез за громадными воротами.

Глава 2. Изгнание

– О, человек! Зачем? Отдав треть мира божественной искре, ты проявил безразличие, слабость. Выслушай своё проклятие! Отныне в тебе живут три сущности. Человеческая – сохранит обличье и оставит разум. Божественная – подарит вечную жизнь.

Темная – даст силу и мощь флегрета.

Люди будут бояться твоих нечеловеческих сил. Ангелы никогда не примут объятого тьмой. Демоны же ненавидят всякое проявление света. Разрываемый тремя влечениями, ты будешь изгоем для всех – и людей, и ангелов и демонов. Вечный отшельник – достойная мука!

Моргот растворился в воздухе, перенесся за пределы острова. Всё также с неба лилась холодная противная вода, дул пронизывающий ледяной ветер. «Как же безобразен этот жалкий человеческий мирок». Ему, одному из первых отрехшихся, архидемону, повелителю огненного Еннома, пришлось нарушить свой покой из-за зова Ишгара, бунтаря – единственного, кто был сильнее него в тёмном царстве. Бывший ангел света питал ярую ненависть к этой маленькой планетке и к населявшим ее людям.

Тело пронзили молнии. Корчась от боли, Моргот напрягся изо всех сил, старался обнаружить хоть одного из светлых, но пространство пустовало. Из пустоты раздался гневный рык:

– Ты не исполнил мою волю!

Среди грозowych туч вырисовывался силуэт дракона. Глаза яростно горели синевою, чешуя зловеще блестела под струями дождя. Из пасти и ноздрей вырывались языки пламени. Бушующую стихию разорвало:

– Зачем позволил этому червю создать Царство под защитой Высшего? Оно отделит наш мир от мира людей и пробраться сможет лишь мелочь!

Моргот вспыхнул. Оранжевые языки поднимались от материализованного тела, серая шкура раскалилась докрасна, от демона повалил пар. Сил у Ишгара было больше, но властитель Еннома тоже не из слабых, так запросто не сдаётся:

– Правитель, ты никогда не объяснял нам замыслов, связанных с этим мирком. Зачем захватывать брэнную плоть, когда нужно готовиться к битве с духами Высшего? Мы тратим время на какую-то возню в грязи, вместо серьезных дел!

Ишгар обхватил Моргота хвостом, шипы впились в тело. В глазах дракона пылала ярость:

– Глупец! Хоть ты был сотворен одним из первых, могучим и грубым, мудрости на тебя у Создателя не хватило. Ты был в Эдеме в день сотворения? Ты видел картины, нарисованные Высшим? Или ты вник в назначение этой «брэнной плоти»? Да каждый из людей может стать подобным Высшему, равным по силе Теграмтону. Зачем нужны архангелы и духи, если один обновленный человечешко может перебить половину бездны?

Падший молчал. Отрехшийся, как и остальные темные, во время бунта утерять способность признавать свои ошибки – мог только злиться, что не поступил где-то хитрее, жестче, подлее.

Глаза Ишгара метали искры, пасть оскалилась, обнажив ряды острых клыков:

– Ты был проклят Единым. Отныне ты проклят и мною. Я обрекаю тебя, темного демона, правителя Еннома на вечное скитание в мире людей.

Тело Моргота опутали чёрные путы. Огневик ярился, сыпал искрами, на морде от напряжения вспухли вены, видно, как мощное сердце толкает кипящую кровь. Верховный молчаливо усмехнулся. В мире плоти падший слаб. Когда оковы падут, он будет в мире людей. Его ментальные силы не смогут ощутить царство темных, а пройти через мир, созданный первоискрой, демон не решится. Пленника объяло чадом, мокрый пепел слеплялся в комки, намертво приклеивался к серой шкуре. Через некоторое время, уже похожая на глиняный ком масса, бесшумно исчезла вдали.

Возле Ишгара зазеленело облако. В тумане возник Голлиос. В этот раз демон избрал форму ящера. Фиолетовые глаза с почтением смотрели на дракона:

– Хозяин, Вы закинули Моргота в мир людей?

Верховный не обращал внимания на приспешника, светящиеся злобой глаза ещё смотрели вслед улетевшему кому:

– Да. Моргот – бунтарь. Такой же, как и ты. Как и все мы. Но он осмелился показать свою природу передо мной, открыто возразить, поставить под сомнение мои пути. Пусть охладится в этом слякотном мирке. От присутствия темного в обиталище человечешек не станет приятнее, а мне хаос среди людского рода пригодиться.

Среди бушующего моря покачивался остров Диптрена. По поверхности скользили темно-зеленые разряды, то и дело с неба обрушивалась ветвистая молния. Струи дождя хлестали нещадно, раскаты грома разрывали пространство треском. Демоны становились прозрачнее, пока не исчезли, полностью перейдя в духовное пространство.

В небольшой деревеньке Саузри темную гору обходили стороной. Старцы рассказывали легенду о том, как три сотни лет назад на цветущую долину с неба упал огромный черный камень. Удар был настолько мощен, что земные плиты сдвинулись, и на том месте выросла скала. На несколько миль погибло все живое. Несколько месяцев людям слышались леденящие душу вопли. Собаки испуганно выли, кони ржали, у коров пропадало молоко. Люди, не выдерживая пытки, сходили с ума, покидали деревню, стремясь обжиться в другом месте. Когда ставшее малочисленным (с двух сотен семей осталось семнадцать) селение объявило сбор и решили уходить, вопли неожиданно прекратились. Жители обрадовались несказанно, устроили хороводы с празднеством, жгли чучел и хвалили богов за проявленную милость. Старейшины настрого наказали ходить к горе, чтобы не растревожить задремавших наконец-то духов.

Легенда обрастала новыми слухами и историями. Отцы рассказывали детям о скрытых в горе сокровищах и охраняющих их демонах, об узниках в катакомбах. Ходила из уст в уста и история о древнем воине, мощь которого была столь велика, что он дерзнул воевать с богами. Те, восхищаясь доблестью человека, подарили ему вечную жизнь, но в наказание заключили воина в древний артефакт и свергли его с небес. Этот-то камень и вспахал долину, образовав гору. А дух паладина с тех пор охраняет земли Саузри.

Маленький Корво, как обычно, играл с ребятами в небольшом ольшанике. Мальчишки перетягивали бечеву, забирались на спор на деревца, боролись. Хоть мальцу только стукнуло шесть, а друзьям по десять, парнишка не уступал ни в силе, ни в ловкости. С рождения повивальные бабки предсказывали, что ребенок будет особенным. И правда, малец крепок, особенно руки. Крохотные ладони с легкостью сминали твердые шишки, когда хватал пса Тошку за хвост, тот жалобно скулил, а в полтора года задушил прокравшегося к яслям барсука.

В этот раз детвора играла в прятки. Играть рядом с деревней неинтересно – знают каждый закуток и забрались далеко в чащу. Вернуться нетрудно – в тишине леса легко услышать, как колют толстые поленья, как выводят знакомые рулады. Уперевшись ручонками в кряжистую березу Имирей громко произносил считалку. Корво убежал далеко, взглянул вверх – с деревьев опала почти вся листва, осеннее солнце легко выдаст его присутствие. Оврагов рядом нет. Взгляд упал на чернеющие камни скалы. Прощмыгнув между валунами, мальчонка заметил лаз в пещеру. Сердце часто заколотилось. Он помнил про рассказы, слухи. Но ни он, ни родители – никто из селения не припоминал ничего страшного. Люди не пропадали, волков не видели, жизнь текла мирно и счастливо. Расхрабрившись, паренек полез в темнеющую щель.

Парнишку искали всей деревней. Прочесывали лес, заглядывали в каждый овражек. Местный дурачок пошёл за радугой, нашёл старый треснутый горшок, доверху наполненный жёлтыми металлическими кусочками. Староста посмотрел, помял, ругнувшись, выбросил –

чего остолоп принес, железо то порченное, ржавое, еще и мягкое! Днем отчаянные головы осмотрели даже черную гору – та высилась молчаливо, сурово зря за странными существами, не выдавая своих мрачных секретов.

Корво появился через неделю. Исхудававший, понурый, пожелтевшие глаза окружили здоровенные темные круги, шел медленно, никого не замечая. Матушка завопила, прижала к груди, понесла мальчишку в хату. Муж затопил баню. Пацаненка отогрели, отпарили, накормили щами. Только потом заметили, что волосы порыжели, а в глазах, если присмотреться, огоньки красноватые играют. Старики думали, пыхтели, спорили, да и порешили – пока ничего не случилось, пушай живет. Знать, духи осени погостить к себе забирали, да знаком особенным отметили.

Всё шло своим чередом. Мужчины пахали, рыбачили, рубили лес. Женщины стирали, готовили и воспитывали детей. Корво вырослел, набирался сил. Хоть сух и высок, но по мощи не уступает удалцам. С быками борется, в плуг сам впрягается. Одну зиму медведь-шатун в селение забрался, так юноша с голыми руками на него пошёл. Потягались, потягались и разошлись мирно. Повезло беруну – паренёк в ту ночь добрым был.

Настал день посвящения. На поляне разожгли огромный костёр. Женщины пели, мужчины обивали колотушками поленца. Юноши и девушки парами разбегались, прыгали, держась за руки, через костер. Не разомкнут рук – крепкая семья будет. Расцепятся – не стоит брачеваться – или дети хилыми народятся, или в семье миру не будет. В этот год посвящалось пятеро – Имирей, Ворчун, Корво, Аглык и Симац.

Молодым мужчинам повязали платки на глаза. Мимо проходили девицы, смеясь, били избранникам по рукам. Коли схватит юноша девушку, да она не вырвется – могут прыгать через огонь. Лучше быть настороже – не схватишь, ещё четыре года бобылем ходить. Корво дрожал всем телом, унимал дыхание, но оно всё учащалось, шумело, сбивало внимание. Вот раздался хлопок, смех, прыжок. Поселенцы забили в ладоши, засвистели – Имирей с Вилицей сбравчались. Вот ещё хлопок, смех, улюлюканье – от волнения ладони у Симаца мокрые, выскользнула невеста. Девушки веселились, хлопали невидящих юношей по щекам, спине, дергали за уши – а те, взбудораженные, с вытянутыми руками, метались из стороны в сторону. Вот прыгнул Аглык. Тоже удержал девицу.

Остались трое. Корво волновался. Он был молчалив, тихо работал, изредка водил хороводы. Девушки побаивались угрюмого рыжего парня. К тому же, один из всей деревни тощ, пусть и силен. А вдруг, не приглянулся никому? Ждать еще четыре года, пока подрастут остальные девчушки? Ежели хоть кому-то люб, то не упустит. Ежели хоть кому-то...

Ладони ощутили легкое прикосновение. В тот же миг, боясь не успеть, сжал руки. В висках пульсировала жаркая кровь, внутри все ликовало. Внезапно что-то ёкнуло в груди. Нет громких криков, восклицаний, глухих ударов колотушек. Веселье покинуло поляну, как сдувает ветром лёгкий туман – лишь продолжали сухо трещать горящие поленья. Корво разжал кулаки и снял повязку. Поселенцы стояли молча, лица вытянуты, в глазах страх и негодование.

Рядом, склонив голову, плакала Латра, внучка старика Дедана. Спрятав кисти в подмышки, девица убежала в хату. Симац и Ворчун почуяв неладное, смахнули тряпицы, помрачнели. Куда ж теперь праздновать, придется так, по-простому сватать, без воли богов, без освященного дня. Люди один за другим уходили, кто-то жалеющее качал головой, кто-то с укоризной бросал тяжелый взгляд.

Очень скоро на поляне остались двое. Невеселый Дедан прихрамывая, подошел к рыжеволосому, юноша стоял понурый, уныло сверлил глазами землю. Старик вздохнул:

– Отговаривал я Латрушеньку мою. Не слушала, все твердила – он хороший, мухи не обидит. А я знаю – исчезновение твое даром не прошло. Дух в тебе злой, огненный. Потому и ты порыжел. Всех убеждал, что пальцы твои до добра не доведут, а надо мной посмеивались. Вот и истина.

Корво молчал. Дедан зло плюнул, отвернулся и поплелся в хату, успокаивать внучку. Юноша закипал. Гнев рвался наружу, вздымалась волна обиды. В не себя от злобы он разбежался и прыгнул в еще жаркий костер. Поленца вмиг обуглились, столп огня взлетел ввысь, силясь продырявить небо, и развеялся в прохладной ночи. Парень стоял в горке пепла, одежда даже не пахла дымом, на коже ни одного красного пятнышка, даже волос не опален. В душе нарастало смятение – гнев клокотал где-то внутри, но не сильно, словно придавленный внезапным удивлением. Корво повернулся спиной к родной, но, в то же время, чужой деревне и отрешенно побрел вглубь леса.

Глава 3. Прецарствие

– Ах ты, негодница!

Лавьен с сожалением взирал на недавно купленные сапоги. Всего неделю назад он забрал их у царского сапожника и портного, Ильдефонса. Мастер пыхтел над заказом два месяца. Тщательно выделанная кожа, начищенные до блеска пряжки, вставки темной ткани, искусная прошивка золотыми нитями и вделанные драгоценные камни – невысокие бродни смотрелись изящно, привлекали внимание красотой и вычурностью. Во время представлений в замке – Лавьен любил выступать с заезжими артистами – восемнадцатилетний царевич поражал публику прыжками и подскоками, пируэтами и кульбитами. Казалось, вместо человека на площади крутится заряженный молнией ангел. Новая обувь блестела, камни искрились на свету, придавая еще большее сходство с обитателем Огнистого Эдема. Новые сапоги восхищали зевак всего семь дней.

В царстве жизнь текла размеренно. Вот уже добрую сотню лет в землях Веллоэнса установлен порядок – мудрое руководство Светлейшего обогатило жителей. Даже простые крестьяне довольствовались жизнью, а рабы ели не хуже господ. Разработанные инженерами-трегонадцами системы водоснабжения и принятые законы о ежегодном оздоровлении и очищении земель способствовали урожайности полей, скота и люда в городе. Дети царя росли здоровыми, сильными, каждый обучался тем грамотам, к каким было склонно сердце. В Веллоэнсе царил мир и покой – лишь редкие стычки на границах, да патрулирование примыкающих к Третьей земле рубежей.

Покои Лавьена находились возле казны. Царевич с детства игрался кругляшами, рано выучился счету и письму, любил роскошь и богатство. Отец поручил казначею Цуллануру обучать мальчика науке, а дабы здоровьем не ослаб, приставил Минара – лучшего соглядатая тех земель, оставившего должность воеводы. Хоть и постарел Минар, но остался ловок и проворен. Лавьен не хотел упражняться, противился и брыкался. Договорились мирно – в обмен на занятия позволили кривляться перед публикой, которую каждый вечер развлекали желающие славы и признания паяцы, менестрели, фигляры.

Сейчас от сапог несло крепким уксусом. Кожа размягчилась, швы разошлись, а драгоценные камни – изумруды, рубины, топазы и ониксы – выпали из оправы. Лавьен надел другие бродни – благо их у него хватало, выбежал из покоев в поисках озорной сестрицы. В коридоре ни звука, каменные стены да вековые гобелены как обычно, скучают, наблюдают за суетливыми обитателями замка. Кожей уловил легкое движение воздуха. Ионнель убежала в северное крыло!

Как гончая, взявшая след, царевич бесшумно помчался за сестрицей. Пролетая мимо очередного окна, внезапно остановился. У конюшни молоденький паж Евгий насыпал овса рыжему ардену с белым крестом на лбу.

Лавьен, забыв про близняшку-озорницу, развернулся и побежал в библиотеку. Тяжелые кедровые двери с медной каймой без скрипа отворились. В замке всегда всё прекрасно – несколько управителей денно и ночью следят за порядком, чтобы и петли смазаны и на кухне вычищено и нужники добела отмыты-отскоблены. Проходя высокие полки с тяжелыми свитками и книгами, юноша поневоле морщился – несмотря на постоянные уборки и проветривания, запах пыли и выдохшихся чернил забивал нос. В углу находилась неприметная дверь. Парень дернул ручку. Внутри тесной горницы лишь резной столик с сгрудившимися свитками и широкая лавка. Жирник на стене прогорел, медный носик почернел от копоти. На устланной шкурами и тканями лавке спал четырнадцатилетний Феанор. Лавьен усмехнулся, так захотелось плеснуть студеной водицы за шиворот младшему. Рассудив, что не стоит уподобляться проказливой сестрице, просто схватил брата за грудки, бешено затряс:

– Феанор, вставай! Давай быстро, Андор с похода вернулся!

Юнец всполошился, уселся на лавчонку. Глаза мутные, взгляд блуждает по комнатке, в голове туман – видать, только под утро лег, еще не осели в сознании мудреные строки.

– Что, где? Лан, тебе чего?

– Андор вернулся! Под окнами Гантэн ржет, не слышишь? Эти книги тебе, вестимо, весь чугунок загадили. Просыпайся, чтец!

Феанор потер глаза, окончательно пришел в себя. Вскочил, пошатываясь, понесся за стремительным братцем, стараясь не поскользнуться на каменном полу, не втемаяшится в рыцарскую статую. От недосыпа тело потряхивало, вспыхивали перед глазами цветастые круги, ноги слушались неохотно.

Запыхавшись, догнал брата, прильнувшего к резным дверям. Лавьен подал знак и младший аккуратно, не издавая не звука, приблизился к замочной скважине. В комнате царит тишина, отверстие изнутри закрыто кожаной пластинкой. Братья с усилием напрягали слух, но внутри будто никого не было.

Внезапно среднего резко дёрнуло. Дыхание перехватило, шею сдавило воротом. Ухватившись руками за края рубашки, вдохнул, краем глаза увидел трепыхающегося Феанора:

– Горе-шпионы! На первой же заставе словят.

Держа братьев за шиворот, Андор, усмехнувшись, поддал ногой дверь. Та распахнулась, створки сухо ударились о стены. Внутреннее убранство напоминало обитель сказочных фей: стены покрыты коврами, невысокий комод сияет роскошной отделкой, а палаты устланы семью шелками. На комод сидела молодая царевна, серебристые волосы спадают по плечам, лоб украшает обруч с хризолитом. Зеленые глаза смотрят с искрой, ухмылкой. Аккуратный носик чуть вздернут, пухлые губы сжаты, едва сдерживают улыбку. Ионнель изящно махнула рукой, широкий рукав всколыхнулся:

– В темницу соглядатаев!

Крепкий темноволосый мужчина в черном кафтане не торопясь повернулся и с легкостью, – будто держал не людей, а щенят, – зашвырнул их в кучу подушек. Не успели братья выкарабкаться из плена, Андор уже был рядом. Завязалась борьба, несколько минут братья катались по коврам, бодро вскрикивали. В воздух полетел пух, девушка, недовольно хмыкнув – мальчишки, – отошла подальше от борющихся, – не дай то Высший, порвут любимое платье.

Троица успокоилась, вылезла из груды пуха, ткани и шелка. Раскрасневшиеся, волосы всклокочены. Лавьен чуть прихрамывал, Феанор неуверенно косился на разорванные подушки. Андор довольно обнял братьев, радостно гаркнул:

– Растут, малявки! Годик-другой, и в горящую избу войдут, и коня на скаку остановят...

Ионнель брезгливо закрыла рукавом нос:

– Да вы сами как кони. Потом несёт, будто здесь на царевичи живут, а крестьяне подневольные! Время дикарей давно прошло, сейчас должно в чистоте себя содержать.

Лавьен с ехидцей бросил:

– А царевне к лицу гадости делать? Исподтишка озоровать?

Царевна улыбнулась, положила подбородок на ладонь, невинно покачала головой:

– Ах, братец, если ты про эти шутовские лапти! Ведь не может царевич уподобиться черни, танцевать крестьянские танцы, да еще в щегольских броднях!

Андор посуровел, взглянул на брата, на сестру. Близнецы умолкли, отвели глаза. Старший тихо произнес:

– Нельзя к народу свысока относиться. Генри, без них не будет ни хлеба, ни мира. На заставе каждый равен – и царь, и раб. И тебе, Лавьен, не стоит убранством кичиться.

Феанор наблюдал за братьями. Вдруг взор посветлел, младший хлопнул себя по лбу:

– Не сегодня ли отец объявляет свою волю?

На загорелом лице старшего расплылась улыбка, Ионнель-Генриетта с Лавьеном вздохнули свободно. Андор довольно пробасил:

– Конечно сегодня! Потому и прискакал. Трех коней сменил, только мой Гантэн этим клячам не ровня. Пора нам к пиру готовиться, да и мне бы походную одежду сменить. Увидимся в трапезне.

Царский город Веллоэнс вытерпел многие смутные времена и по праву считался неприступным. Вокруг располагались горные кручи, опасные своим холодом и дикими зверьми. Эти же скалы образовали уютную чашу в два дня конного пути с зелеными лугами и теплыми зимами, внутри которой нашли приют жители Веллоэнса. Из подчиненных земель в город вела единственная дорога. За тройку миль до города переходила в такой же широкий мост, нависший над глубокой пропастью. Городские ворота не закрывались уже более сотни лет, благодаря миру и процветанию, устоявшемуся во всём Царстве. Денно и ночью сменявшиеся караулы осматривали проходящие повозки с товарами, зерном, железом. Город обильно снабжался сборами с уделов, становился пристанищем философов и музыкантов, поэтов и ученых, скульпторов и живописцев.

Как жемчужина в раковине – в глубине города, сливаясь с вершушками угрюмых скал, высился царский замок. Говаривали, что его (как и саму эту землю в круге гор) создали великие маги из упавшего с неба камня. Если присмотреться, то можно узреть, как серые гранитные стены отливают синевой. Некоторые заявляли, что видели произвольно появлявшиеся замысловатые надписи, даже повторяли символы на пергаменте. Все вносилось в книгу свитков и складывалось в царские архивы. Приезжим гостям разрешалось посмотреть эти свитки, но за сотню лет, увы – никто из мудрецов не смог перевести и слова. Со временем истории стали сказками и их перестали воспринимать всерьез. Да и как разглядеть таинственные знаки и свечение за покрывающими стены гобеленами, коврами и флагами?

В трапезне все было готово. Отесанные кедровые доски крепко лежали на козлах. Вместо привычных желтых сфер по всему периметру светятся разноцветные – изумрудные, лазуритовые и самые дорогие – рубиновые. В отдельных бронзовых настенных выемках закреплены настоящие восковые свечи, придающие особую торжественность пиру.

Во главе стола на малахитовом троне восседал Царь. По закону этих мест после восхождения на трон имя правителя запрещалось произносить. Слуги обращались к нему – Царь, дети – Отец.

Невысокий, седовласый мужчина внимательно осматривал залу. Голову венчала семиконечная корона с крупным лазуритом. Годы правления давали о себе знать. На лице появились глубокие морщины, брови загустели и нависли, словно потяжелевшие от снега еловые лапы. Неизменными оставались серые глаза – живые, горящие, с интересом изучающие всё живое.

Справа от трона сидели Андор и Феанор. Слева – Лавьен и Ионнель. Вдоль стола по обеим сторонам шестнадцать князей – управителей царских земель. Рядом горделиво зрят знатные дамы и гости-послы из Манохи, Трегонада, Иоппии, Свеберов, Бангхилла. За столами попроще пируют гости попроще. Челядинцы, прислужники вынесли первые блюда. Осторожно забили тимпаны, возвышенно затянули свою песнь флейты. Перед гостями легли подносы с жареной кабаниной, в кастрюлях источали терпкий аромат куски медвежатины в остром соусе с гвоздикой.

Ели аккуратно, размеренно. Андор подцепил вилкой красноватый оковалок. Сидит прямо, глаза цепко изучают зал. Феанор тайком посматривал на брата. Три месяца на заставе изменили царевича. Когда-то длинные волосы теперь едва касались бровей, лицо приобрело жесткость – теперь ему стала привычнее хмурость, улыбка и беззаботность будут смотреться неестественно, наигранно. Синий кафтан застегнут на все петли, плотно облегает мощную фигуру, закатанные до локтя рукава оголили жилистые, словно обвитые корнями ясеня, руки.

Андор всегда старался поступать справедливо, даже если это не шло ему на пользу. Старший с детства любил оружие. В отрочестве много ходил на охоту с князьями, а когда однажды собаки загнали вепря, бросился на него с кинжалом. Зверь задел правое плечо и, несмотря на усиленные занятия, рука поднималась не так легко, двигалась не так быстро. Брат выучился биться другой – так, что даже опытные воины принимали его за левшу.

Юноша кинул взгляд на брата с сестрой. Близнецы весело болтали, пригубляли свежесжатое вино, поддерживали беседу с князьями и отцом. Лавьен надел лучший наряд. Серебристые кюлоты с плащом как одеяние сказочных эльфов, расшитая золотом красная суконная рубаха отражает колыхающиеся огоньки свечей. Гуяверку не заправлял, как обычно, а носил на выпуск, спереди раздвоилась на острые углы, а сзади едва прикрывала ягодицы. На шее поблескивала золотая цепь с семиугольником – символом Веллоэнса. Когда брат только вышел на пир, Феанор видел, как на лице Андора заиграли желваки, а в глазах вспыхнули искры гнева. Что поделаешь – середнячки родились с тягой к роскоши и славе.

В присутствии Ионнель праздничные убранства зала меркли. Она походила на богиню весенних лугов и лесов. Серебряные с золотом локоны ниспадают до пояса, в них ярко пестреют ленты и перья. Атласное платье подчеркивает стройную фигурку, высокий воротник обрамляет красивую шею, оголив ямочку меж ключиц. Рукава к краю расширяются, розовая ткань с цветастыми узорами, щедро осыпанная блестками и лепестками приковывает взгляд к изящным белоснежным запястьям.

Феанор смутился. Хоть сам ухожен и чист, а его кафтан не вышит золотом, пуговицы из доброго красного дерева, нет на одежде ни каменье, ни росписей. Да и какой от них прок? В царской библиотеке не людно, в башне Высшего на наряды не взирают. Надо было зайти к Ильдефонсу, подобрать торжественный наряд. А теперь... Что подумают князья о нём, что подумают о властителе, у которого сын одет не как следует? Щеки заалели, стыдливо взглянул на отца.

Царь внимательно слушал рассказы, спрашивал князей об урожаях, податях, последних слухах. В обычное время властелин избегал роскоши, носил суконный кафтан, диадему из серебра, да царский перстень – чтобы не спутали с зажиточным торговцем. К самоцветам, кольцам и украшениям относился безразлично – детей за роскошь не журил, но и Феанору с Андором в их простых одеяниях замечаний не делал.

На торжество правитель явился во всем благолепии. Золотистая порфира сияет рубинами и янтарем, оплечье с древними знаками осыпано редким жемчугом, на лице поблескивает дорогая пудра из серебра, волосы выбелены и умощены миром. Одна рука крепко сжимает жезл верховной власти Веллоэнса. По слухам, скипетр обладал невероятной силой, но его могущество открывалось только истинному Царю, достойному не по трону, а по духу. Для других же он оставался обычной драгоценной палкой.

За беседами незаметно пронеслась вторая перемена блюд – жесткие павлины и лебеди под клюквенным соусом исчезли быстро. Слуги подготавливали место для третьей перемены – меняли скатерти, убирали объедки, заносили новые кувшины с вином, морсом и квасом. Музыканты по знаку советника заиграли церемониальный бранль. Пирующие для танца собрались в тройной круг. В самом широком находились мелкие помещики и купцы. Гости познатнее образовали второй. В узкий третий круг встали шестнадцать князей с дамами.

Центральное место заняли царские дети. С раннего детства каждого из них учили этому танцу. Движения выражали душу, настроение, помогали выразить печаль и радость, гнев и мир, волнения и мысли. Царь, благодаря высоте трона, отлично видел церемонию. Андор широко раскидывает руки, движения грубоваты и просты – сказываются будни на заставе. Лавьен выпивает заливчатские пируэты – пламя свечей отражается на мелькающем плаще и гуяверке. Ионнель держится статно, движения плавные, тонкая фигурка приковывает внимание изящ-

ностью – невозможно оторвать взгляд. Феанор танцевал скованно, стараясь с точностью повторять заученные па, реверансы и поклоны, не отклоняясь от изученного.

Мелодия окончилась, в воздухе растворились последние звуки флейты. Царская четверка подошла к трону, гости остались позади. Молоденький глашатай выпятил грудь, набрал в легкие воздуха:

– В соответствии с древнейшими законами земель Веллоэнса право управления наследуют все дети ныне здравствующего царя в равной степени с момента вступления владыки в сан верховного мудреца. По законам Веллоэнса дети Царя должны править в Единстве и справедливости, укрепляя и созидая силу и мощь Царства. На размышление до воцарения даётся три года – срок прецарствия. На царствие – ещё пять лет. В конце царствия дети собираются в престольном граде и верховный мудрец с экс-царем определяют нового царя. В любой момент верховный мудрец может отменить право наследия. Каждый из действующих правителей может передать право царствования, либо отказаться от престолонаследия ради посвящения Высшему и жизни в Башне Мудрецов. Избранный царь правит до передачи трона наследнику или до наступления эпохи Света. Также, согласно закону единственный наследник не обладает возможностью передать право царствования и не может отказаться от престола.

Царь поднялся. В зале раздался шорох, бряцание – царские дети, князья с дамами, остальные гости поспешно преклоняли колена. Когда шум утих, правитель молвил:

– Дети мои! Так распорядилась судьба, что пришла пора создать Совет Единства, который пророки завещали нам собирать раз в тысячелетие, чтобы пресекать коварные замыслы тьмы. Наше Царство процветает сотни лет, и ничто не предвещает беды, но мы подчиняемся пророчествам Высших.

Я стар и пресыщен годами, вы – молоды и сильны духом. Вам править Веллоэнсом. Помните, что судьба наделила вас дарами, способными укрепить могущество Царства. Владейте как мудрые правители, созидайте и украшайте землю с любовью. И да пребудет с вами Высший!

Дети встали. По знаку правителя в зал вошел Суфий, царский советник и верховный мудрец. Даже согнувшись под тяжестью лет, старец на голову выше Андора. Худое лицо изрезано глубокими морщинами, черные глаза смотрят грозно. Медленно проковыляв к трону, чародей выудил из широких одежд свиток в золоченой оправе. Чуть помедлил, поджав губы, отдал Царю.

Говаривали, что старец душою связан с Веллоэнсом и не умрет, пока Царство не будет захвачено. Мудрец на эти басни махал рукой, иногда брюзжал, что этим неученым крестьянам да напыщенным князькам лишь бы языками чесать... Согбенного мужа видели весёлым только среди детворы – всегда строгий и нахмуренный чародей без усталости шутил, показывал фокусы, да смеялся как простолоудин. И несколько этого не стеснялся.

Царь взял свиток, держа обеими руками медленно провел перед собравшимися:

– Это – карта земель Веллоэнса! Отныне она ваша. В день первых плодов вы войдете в свое прецарствие. Я же велю всем князьям послать глашатаев! Пусть трубят о новых Царях.

Тишина взорвалась ликованием, рукоплесканиями и возгласами. Менестрели ударили по струнам, заиграли баллады и вальсы. Гости уселись за столы, подгоняя зевающую челядь. Царевичи сели на свои места. Близнецы продолжали веселые беседы, Царь о чем-то перешептывался с Суфием. Феанор с тревогой следил за Андором – брат помрачнел, угрюмо зрел на пиршество.

Глава 4. Авенир

В Элхои полным ходом шла заготовка припасов. Не успевало солнце осиять стены монастыря – послушники уже работали, не покладая рук. Каждый знал своё дело. Одни собирали хворост, ягоды и грибы, другие возделывали огороды. Несколько монахов занимались охотой и рыбалкой. Устав позволял вкушать мясо для поддержания сил, чему Авенир был несравненно рад. За два месяца он втянулся в жизнь братства, трудился наравне со всеми, не обращая внимания на недавнюю слабость. Тело налилось силой, кости обросли хоть и тонкими, но уже тугими жилами. Время, свободное от трудов, молодой акудник проводил с Калитом. Память восстанавливалась нехотя – юноша вспомнил дни детства, вспышками представала жизнь в селе Роуэльда, служба в Глинтлее, иногда промелькивали образы битв с чудовищами, мантикорами, похожими на груды камней существами. Бывало во сне появлялись люди и животные, сердце билось чаще – вот они, еще немного и вспомнит. Но дрема рассеивалась, и Авенир горестно вздыхал – не успел поймать духов прошлого. Белым пятном по-прежнему было время отрочества.

Парень был уверен – он чаровник, у него есть призвание от Высшего и случилось что-то ужасное. Остальное, увы, мог и придумать – чего только в голову не придёт, когда обруч маловат, жмет?

Денёк выдался теплый, солнце приглашало покинуть каменные стены и Авенир, мгновенно проснувшись, направился в келью Калита. Старец внимательно читал книгу. Потертая черная обложка казалась странно знакомой, юноша смутился.

– Авенир, проходи. Благих дней тебе!

Монах неспешно поднялся, тепло обнял спасенного им волхва. Тот смахнул налетевшую оторопь, вошёл внутрь, сел на табурет у молитвенного угла.

– Что нам предназначено сегодня?

Калит улыбнулся, морщинистая рука довольно погладила бороду:

– О, сегодня очень хороший день! Благодать Высшего с нами и она будет явлена тебе полной мерой.

Насладившись замешательством юноши, старец указал рукой в оконце.

За этой частью монастыря разлётся пустырь. Шагах в двадцати темнел плотный ряд деревьев, зимой превращавшийся силами монахов в неприступную снежную стену.

На пятаке прохладно, солнце не достаёт это место, валуны и деревья скованны едва подтаявшими льдинами.

– Ты достаточно окреп, чтобы воспринять и усвоить несколько уроков. Конечно, если хочешь, принуждать не стану.

Волхв опустил голову, пальцы потеряли лазурит:

– Хочу.

– Но перед этим я восстановлю часть твоей памяти.

Авенир устремил взор на старца. Тот достал из рукава кисть, бормоча, начал рисовать в воздухе знаки. Несколько минут спустя протянул другую кисть парню:

– Рисуй.

Юноша перехватил, несколько секунд стоял не двигаясь. Раз монах сказал, надо повиноваться. Разум чист, придется слушать сердце. Рука плавно вспорхнула к небу, ноги сделали неуверенный шаг. С каждой секундой скованность исчезала, движения становились размашистей, легче. Кисть засияла, оставляла в пространстве слабое свечение. Акудник поскользнулся на талой льдинке, с возгласом плюхнулся в грязь. Рисунок исчез, Авенир недовольно выдохнув, поднялся, начал заново. Красноватая лента расплывалась, юноша старался делать

все плавно, постепенно понимая ход кисти. От быстрых движений оставался узкий насыщенный след, от резких поворотов полоса становилась шире, рыхлее. Замысловатый танец убыстрялся, отвыкшее от серьезных нагрузок сердце мощно заколотилось, дыхание стало частым, неглубоким. Парень сделал несколько поворотов и замер, стоя на одном колене, с поднятыми к небу руками, сжимающими черенок.

Старец смотрел умиротворенно, бровь удивленно приподнялась:

– Этот урок усвоен. В награду я возвращаю то, что ты потерял.

Из полы вылезла рука, сжимающая потертый черный переплет.

Авенир благоговейно взял книгу. Калит продолжил:

– Откуда ты знаком с искусством душевного письма?

Чаровник небрежно махнул рукой:

– Да, Халил Мидянин раз обмолвился. Вот и вспомнилось.

Монах улыбнулся:

– Очень хорошо. А откуда братца моего Халила знаешь?

Юноша стиснул зубы – не сказал ли лишнего? Тишину прервал низкий суховатый голос:

– Тарбаганчиков мы с ним ловили. И червя земляного. Мастер сказы слагать, на дудке играет пристойно. Молодчик Нир упрямится – делает вид, что не знает.

Авенир обернулся. Среди переплетенных деревьев стоял человек в темном балахоне. Мужчина скинул капюшон. Смуглолиц, короткие черные волосы, в глазах полыхают красноватые огоньки. Незнакомец подошел к Калиту, поклонился:

– Отче, как дела у соратника?

– Набирается сил.

Волхв застыл в смущении, непонимающе смотрел то на старца, то на мужчину.

Человек подошел к юноше, взглянул прямо:

– Не узнаешь? А мы же столько с тобой дел наворотили, рекрут.

– Марх?

Внутри взорвалась пороховая бочка. Волнами накатили воспоминания, всплывали образы, слова, чувства. На душе было странно спокойно, Авенир тайком удивлялся – как это, неужто не осталось ни слез, ни радости?

Через пару минут Калит заметил, что акудник пришел в сознание, по-отечески обнял обоих:

– Вот и время обедни подошло. Пройдем в трапезную, братья.

После принятия пищи старец отправил тарсянина с волхвом на прогулку. Они неторопливо шли мимо дуплистых кедров и пустых келий, обросших вьюнком. Под ногами чавкала темная земля, воздух был полон солнцем и ароматом молодой травы.

– Хорошее место, – Марх буравил взглядом кедровый заслон, – только с погодой неладно. Два месяца сыро и тепло, остальное время вьюги и холод.

Сабельщик шмыгнул носом:

– Откуда только у послушников силы здесь жить? Я вот за несколько недель ни одной косули не встретил. А у них в подвале этих туш, как у мясника в Глинтлее.

Авенир хмыкнул. Его подташнивало, от вдоха в глазах темнело, руки подрагивали:

– Я рад, что ты выжил. Повезло к монахам попасть – ни одной раны не осталось. Жаль остальных...

Чаровник замолчал. Тарсянин аккуратно хлопнул парня по плечу:

– Ты не виноват. Люди каждый день гибнут, а так хоть мы спаслись. Но целый народ освободили.

Волхв остановился.

– Надо найти тела. Пока опять не пришли холодные ветра. Память почти вернулась, уверен, скоро всё восстановится. Я... я смогу найти, разослать птиц, может быть, зверей...

– Нир, не получится. Все то время, пока авве Калит боролся за твою жизнь, я рыскал по окрестностям. Обыскал все. Обшарил каждую пядь той поляны, где мы разбились. Они пропали. Наверное, выпали из сферы раньше и сгнули в ущельях. Даже если бы мы нашли способ спуститься туда, горные твари не оставили бы и следа. Нам повезло, что монахи пошли за хворостом. Днем позже и кости бы растащили. Нужно смириться с потерей и идти дальше.

– Я останусь в монастыре.

– Что?

– Из-за моей дурной химеры погибли люди. Раз уж я пророк и посланник Высшего, лучше стать послушником и идти путем мира.

Марх молчал. Лицо окаменело, глаза налились кровью. Медленно произнес:

– Пусть так. Поступай, как знаешь. Я всю жизнь метался в поисках смысла и мне, в кой-то миг, показалось, что Царство, исполнение древнего пророчества – это ценность, за которую стоит отдать жизнь. Отправлюсь один. Если будет на то воля рока, свидимся.

Сабельщик растворился в живой изгороди. Авенир поборол клокочущую внутри горечь, понуро побрел к монастырю. В общей зале раздавались песнопения, акудник вошел, встал в тень.

Аромат фимиама и размеренные голоса монахов отгораживали от внешнего мира, отключали суетливое и охочее до дум мышление, приносили странное, с примесью счастья, равнодушие. Что до этого мелочного мира с его страстями, возней, охотой за благами. Человек рождается и умирает, срок дней на земле ничтожно мал. Насколько важнее здесь позаботиться о переходе в мир богов, инобытии, по сравнению с которым земная жизнь лишь странное мимолетное видение.

Дремы прервал Тайрин, который неуверенно теребил чаровника за рукав. Авенир смахнул пелену забвения:

– Что?

– Калит ждёт в своей келье.

Волхв посмотрел на парня:

– Хорошо. Мы встречались раньше?

Послушник мотнул головой, торопясь на поле, обронил:

– Нет, только если в прошлой жизни.

Сведенная рука перестала слушаться. Тело пронзала адская боль, на лице отражалась уродливыми гримасами.

– Держи ее! Покажи власть!

Юноша упал на колени. Лицо багровело, на нем выступили мелкие капли.

Калит смотрел строго:

– Вставай.

Авенир не поднимал головы. Жалобно проскулил:

– Мне еще рано. Уже четыре раза пробовал и ничего.

Старец вздохнул:

– В том и дело, что вы, молодые «пробуете». А надо – «делать». Тебе не рано, а давно уже пора. Видел свой символ? Решил остаться? Значит, учись.

Волхв встал, отер рукавом взмыленный лоб:

– Никто из монастыря этому не учится.

– А ты не кто-то из монастыря. Не сравнивай себя с другими.

– И сколько продлится мое обучение?

Калит улыбнулся:

– Дня за три осилим.

Юноша охнул:

- Но я еще и первое задание не выполнил!
- Так хватит отлынивать, приступай к делу.

Чаровник измученно взглянул на мерзлый, солончатый пустырь. Взял кисть, прикрыл глаза. Движения поначалу медленные неуверенные, затем более размашистые наполняли воздух энергией, губы едва двигались, произнося древние слова. Наконец, акудник протянул руку, напрягся. Ладонь схватило разрядом, в тело вонзились сотни игл. Авенир испугался – снова разобьют корчи, но в этот раз энергия вырвалась наружу.

Волхв разлепил веки, опешил от удивления. На месте, в которое была направлена кисть, из стылой сухой земли, вытянулся молодой кедр.

– Хорошо! У тебя бы и с первого раза получилось, да я семечку бросить забыл. А жизнь то развиваться никак не может, если хотя бы начатка нет. Вот молнии в тебя и рикошетили.

Авенир поднял голову, руки тряслись от возмущения. Стараясь выглядеть спокойно, крикнул:

- Теперь можно лестницу скинуть? В этом леднике как-то слишком прохладно.

По плечу ударил тугой узел. Выбравшись наружу, юноша, потирая ушибленное место, спросил:

- Что дальше?

Монах поднял руку:

– Вдыхать жизнь в растения – первый шаг. Следующее задание – научиться управлять стихией.

Калит кашлянул, стукнул себя в грудь:

– Конечно, на самом простом уровне. Для начала собери мне воды, горло надо бы смочить.

Пришло утро четвертого дня. Чаровник осваивал приемы быстро. Будто когда-то он всё это знал и даже умел. А теперь инстинкты, рефлексy услужливо помогают – даже когда не понимает, что и как. Он научился выращивать растения, управлять огнем, водой и ветром. Один день ушел на изучение внутренней концентрации, управление мыслями и чувствами.

Калит сказал, что теперь пора Ниру осваивать язык животных. Старец поднес ему ведро с желтоватой в крапинку рыбешкой. Юноша до рези в глазах всматривался в плавающую живность, раскрывал рот, шептал слова. Через пару часов мучений несчастно взглянул на учителя. Тот пожал плечами:

– Вьюны не сильно разговорчивы. Видать, не нравишься. Раз он к тебе так относится, неси в обедню к повару. Я тебе другого словлю, поохочей.

Они молча позавтракали и отправились к горной речушке. Мелководная бурлящим потоком срывалась с кручи, унося белую от мела воду в долину. Старец молча сел на массивный валун, не мигая смотрел вдаль. Юноша встал рядом. Утренний туман рассеялся и как на ладони, перед ним предстало горное ущелье. От вида захватывало дух, внутри ощущалась сила, хотелось оторваться от земли и почувствовать вкус свободы.

- О чем думаешь, сынок?

Авенир потянул носом пропитанный смолой воздух:

– Хочется взлететь и устремиться навстречу солнцу. Так бы разбежался и прыгнул с обрыва.

- А что мешает?

Чаровник смутился. Калит отверз уста:

– Орел летает высоко. Ему трудно прокормиться, трудно найти пару для гнезда. Он не боится зверей, птиц, стужи и ветров. Некоторые люди даже думают, что орел любит одиночество. Но он просто не показывает, что ему тяжело. Мыши живут в норах. Жрут, что попа-

дется. Боятся всего, что за пределами их жилища. Умрёт одна мышь, или сотня – не велика беда.

Старец посмотрел на акудника. Тот потупился под пронзающим взглядом. Монах продолжил:

– И тех и других создал Высший. У каждого есть своё назначение. Мыши служат пищей для орла. Орел напоминает людям о небе и чести. Но без одних не было бы и других.

Калит поднялся, с улыбкой молвил:

– Я боюсь этого вида. Мне неудобно от такой высоты, такого простора. Хочется забиться в угол, ощутить стены, безопасность. Ты другой. Поэтому сбежал из своей первой обители. Сбежишь и отсюда. Орел не может жить в мышиной норе. Монастырь напитал тебя, но ты не сможешь мириться с монашеской рясой.

В молчании они спустились по узенькой тропке. Когда деревья – жилища молитвенников, остались за плечами, Авенир задумчиво спросил:

– Почему я? Как шагать в неизвестность, не зная зачем?

– Ты винишь себя в смерти друзей и думаешь, что миссия спасения мира возложена на тебя нечестно?

Монах хмыкнул, степенно пригладил бороду:

– Что ж, даже если так. Пока неизвестно, что кто-то мертв, он может быть жив. И еще. Лучше умереть, исполняя свое предназначение, чем бесполезно прожить чужую жизнь.

Авенир удивленно взглянул на старца:

– Какая миссия? Что за предназначение? Я вообще не понимаю, чего мне этот Веллоэнс дался!

Калит хмыкнул еще раз. Повернулся к чаровнику, в глазах танцевали озорные искры:

– Не знаешь? Пойдем в хранилище.

Внутри зала, где монахи оживили его и Марха, пахло смолой и фимиамом. На стене над алтарем начертан крест внутри круга. Старец что-то пробормотал. Стена неслышно отодвинулась, оголив у края тесный лаз. Ступали медленно, пригибаясь. Один раз Авениру больно садануло по плечу – сжав зубы, протянул руку, нащупал узловатое корневище.

Проход неожиданно резко расширился. Чаровник потерял равновесие, чуть было не растянулся на мозаичном полу – но реакция не подвела, вовремя пригнулся, раскинул руки, огляделся.

Скучное освещение после темноты резало глаза. Полукруглый свод исчерчен таинственными знаками. Символы казались Авениру знакомыми, волхв с досадой мотнул головой – никак не мог вспомнить. В середине расположился громадный белый камень, видимо, служивший местным обитателям столом. За ним, взяв небольшой гладкий жезл, стоял старец.

– Подойди сюда.

Волхв осторожно подошел. Калит начал водить концом жезла по камню, поверхность засветилась, проступили замысловатые рисунки.

– В начале Высший создал себе Служителей. Часть из них воспротивилась его воле и пошла по своему пути. Борьба шла с переменным успехом.

Калит нарисовал круг, поделенный на двое изогнутой линией.

– Символом этой эпохи был Тенесвет. Народы Кэлао называли его Инь-Янь. Наши предки, усматривая взаимосвязь начертания с природой, именовали Линь-и-Язь. Он означал равенство, постоянную борьбу. Если где-то усилилась тень, значит, в другом месте стал ярче свет. Это было время праведного возмездия, кары. Мироздание оставалось в равновесии. Боги являли милость, люди приносили жертвы, давали обеты, покоряли веру племена. Тенесвет исполнил свою часть. Люди познали вкус справедливости и узнали горечь праведного возмездия.

Монах взмахнул жезлом. Картины битв, костров и приношения жертв исчезли. На поверхности появился крест в круге:

– Наступила следующая эпоха. Ее символом стало орудие страшной в то время казни. Крест показывал, что Верховный, заплатив мучительной смертью, приняв тройственную ипостась, открыл человеку путь в небесное Царствие. Три облика – любовь, милость и прощение, должны были возвысить человека. Мирозданию велено было не только держаться в равновесии, но и развиваться, благодаря этим трем добродетелям, несмотря на все происки злых людей и восставших слуг Высшего.

Калит взглянул на недоумевающего Авенира, брови приподнялись:

– Огонь огнём не затушить. Чтобы костёр потух – раскидай горящие уголья. Если на зло отвечать добром – зло в конце концов исчезнет.

Старец опять нахмурился, лицо потемнело:

– Но сила Тенесвета крепко засела в сердцах людей. Даже прямое вмешательство Высшего не искоренило ветхую природу. Часть Божьего естества осталась в этом мире. Наступает время третьей, последней эпохи. За могущественную первоискру идет борьба, и люди на этот раз принимают прямое участие. Древнее пророчество гласит, что из среды человеков выйдет восемь хранителей, которые остановят вторжение Тёмного в наш мир. Они будут блюсти порядок и защищать первоискру. Человек докажет, что достоин быть с богами на равных. Символом этого времени станет Зортзиар – восьмиугольник, вобравший справедливость эпохи Тенесвета, милость эпохи Креста и верность Хранителей.

Камень погас. После яркого сияния Авенир с трудом различал черты лица монаха. Когда глаза привыкли, спросил:

– И вторжение произойдет в Веллоэнсе? Если хранители не соберутся, то опять настанет эпоха... этого... Линь-Язя?

Монах смотрел хмуро:

– Все куда сложнее. В Веллоэнсе произойдет встреча богов, демонов и людей. Если люди не отстоят право на существование, их просто сотрут. Перечеркнут, как неправильно начертанный символ. Сожгут, как испорченный свиток. Это будет конец нашей истории, Авенир. Там во дворе, кистью древних пророков ты изобразил символ своей души. Символ Зортзиара. Ты – один из хранителей. Твоё место не здесь, твоё место – в обетованном Царстве.

– Ведь я еще молод и так мало знаю...

– Не важно, что ты знаешь. Важно – куда направляешься. Путь человека даёт необходимый опыт.

Калит подошел к юноше, указал на обруч, в котором холодной синевой переливался лазурит:

– Камень избрал тебя. Монахи не смогли снять обод, он уже врастает в тело. Через какое-то время на поверхности останется только часть камня, – старец сложил руки. – Благодаря кристаллу ты остался жив, лазурит не дал душе вырваться из тела.

Авенир коснулся кончиками пальцев лба. От твердой поверхности к коже понеслись крохотные молнии, подушечки защищало. С грустью посмотрел на старца, голос дрожал, от воспоминаний к горлу подступил ком:

– Но и Марх выжил. А ведь... были и другие. Они же погибли?

Наставник улыбнулся, отечески обнял парня:

– Хоть себя не винишь, хорошо. Марх выжил, ведь и он носитель камня.

– Как?

– Его камень – рубин в навершье черного ятагана.

Калит покачал головой, плечи приподнялись:

– Как они станут одним целым, ума не приложу. Не всё можно объяснить умными книгами. Да и в жизни все по-разному.

Монах пожевал губу:

– Вот, я, к примеру, люблю картофельную похлебку с рыбками-вьюнами. В книгах написано, что с листом лавровым вкуснее. А не могу этот лист есть, по мне гадость хуже редьки.

Чаровник повеселел, в глазах промелькнула надежда:

– Авве, лазурит и книга на месте. А посох случаем не находили, с камешком, белым таким, невзрачным.

– Из неведомого металла жезл, с гравировкой крученой, серенький? И камень аки яйцо формой, только величиной с кулак?

Авенир радостно кивнул. Калит зевнул:

– Не, не видал.

Увидев появившуюся на лице тень, указал на дверь:

– Там вон, пара послушников службу несут, они видали – схоронили в подземелье. И статуя каменная там же. Только не пойму – чего это вы с куском мрамора по миру скитались.

Волхв посерел, дыхание сперло, руки задрожали:

– Это... Корво. Я обратил его в камень, чтобы демона сдержать. Надо его расколдовать.

Теперь озадачился старец:

– Э-э-э, дружок. С демонами биться – не склады вить и не плоть штопать. Тут без братии не справиться.

На поляне перед монастырем царило оживление. Посередке, на сложенном из камней постаменте лежал обращенный в камень воин. Безучастные глаза устремлены в никуда, лицо непроницаемо, не выражает никаких эмоций. Монахи раскладывали на земле ленты, зажигали свечи, в медных плошках с каменным дном тлели прессованные таблетки фимиама.

Когда все было готово, монахи отошли к краям поляны, образовав круг. Опытные стояли ближе, за ними читали заученные молитвы, послушники. Внутри находились Авенир и Калит. Старец держал в руке кисть, волхву вручил жезл:

– Когда подам знак, снимай заклятие.

Акудник кивнул.

Монах медленно поднял руку. Кисть засветилась, за ней тонкой лентой оставался в воздухе белесый след. Изрядно заполнив воздух этим полупрозрачным молоком, Калит махнул Авениру. Тот, с трудом вспоминая слова, направил жезл в сторону статуи, выкрикнул заклинание. Камень в наверхье помутнел, внутри тень смешивалась со светом. Чаровник повторил слова. Старшие монахи начали петь псалмы, медленно задвигались в ритуальном танце. Юноша на секунду смутился. Затем, откинув смущение, надрывая глотку, проорал заклинание. Из жезла метнулась молния, бешено заметалась среди монахов, норовя задеть, не в силах пробить защитный барьер. Не найдя жертвы, возвратилась в середину поляны и ударила в статую. Раздался треск, запахло гарью, заволокло едким дымом. Когда черные клубы рассеялись, раздался удивленный вздох – на месте постаamenta находилась спекшаяся куча изломанного камня.

Калит отер лоб, лицо вытянулось. Он осторожно огляделся – не спрятался ли где демон, внимательно пробежал глазами по лицам монахов. Авенир непонимающе смотрел на обугленный пятак, рука судорожно сжимала жезл. Старец обвел искореженное место кистью, прошептал псалом защиты от бесовщины, настороженно вслушался. Потом кивнул волхву:

– Нет тут никаких демонов. Зато душа ещё осталась, спасём.

Глава 5. Моргот

Моргота переполняла ярость. Он ненавидел светлых, ненавидел Ишгара, наложившего на него оковы. Его раздражал этот холодный мокрый мирок, с тяжелыми тучами и скудным огнем. Люди не сделали ему ни плохого ни хорошего, но и на них отверженный архидемон злился.

Почти три сотни лет демон сидел в заточении. Ишгар с такой силой забросил его невесть куда, что в месте удара земные плиты сложились домиком, образовав опаленную жаром гору. Внутри не попадала вода, животные обходили место стороной, было не так холодно, как снаружи. Лишь ветер иногда тревожил своим легким веянием, но с этой неприятностью Моргот мог мириться.

Сначала, когда гнев разрывал внутренности, повелитель Еннома бился в корчах, пытался свергнуть путы. Те скрипели, свистели, накалялись добела, жаря материализованную плоть, но держали огневика крепко. Вскоре тот утих, продолжая копить обиду, строя планы мести коварному Повелителю темных.

Однажды огневик ощутил присутствие живого существа. Это в пещеру залез человеческий детеныш, мальчик. Архидемон внимательно наблюдал, как паренек осторожно прополз через лаз, оказавшись в гроте, как с интересом и страхом рассматривал едва видимые в тусклом свете камни.

В голове узника всплыли слова, больше трех сотен лет назад сказанные Ишгаром – «Каждый из людей может стать подобным Высшему, равным по силе Теграмтону». А если так, то это маленькое существо может освободить его – ведь для Теграмтона, а тем более для Высшего эти оковы разрушить, словно создать захудалого гвельта.

Но как не спугнуть детеныша, да еще и упросить его свергнуть путы? Материализованная плоть архидемона в этом мире наверняка приведет человека в ужас, а если считать, что самосознание человечества находится на уровне средневековья... Да-а-а, тут про научный интерес точно не слышали. Ум, не отравленный техническим прогрессом трехсотлетней давности.

Стараясь, чтобы голос звучал мягко и тихо, Моргот прорычал:

– Как тебя зовут, о прекрасное создание?

Мальчонка пугливо уставился на грудь камней, из которой исходил вопрос:

– К-к-корво.

– Не бойся, Корво. Я не причину вреда. Как тебе удалось проникнуть в мою тайную обитель?

Паренек выпятил грудь, набрал воздуха в легкие:

– Я и не боюсь, чего здесь страшного? Мы в прятки играли, вот я и спрятался.

Демон сказал с притворным восхищением:

– Какой хитрый! Это место очень трудно отыскать.

Воцарилось молчание. Корво пристально смотрел на кучу, осторожно спросил:

– А ты кто, гном? И почему здесь сидишь?

Огневик, не выказывая ликования, грустно молвил:

– Я заколдованный эльф. Злобный маг превратил меня в страшное существо и заточил в этой скале. Уже несколько тысяч лет я не видел солнца, не слышал пения птиц и не ощущал дуновения южного ветра.

Мальчик зачарованно слушал. Моргот продолжил:

– Только человеческий ребенок может разрушить заклятие и освободить меня. Только где найдешь сейчас людей? Они слабы и жизнь их коротка, наверное, давно вымерли.

Корво оживился:

– Мы живые. И нас много. Я, Сивац, Аглык, Имирей. Еще и родители. И еще много в селении – десятка три, а может и четыре. Девчонки тоже есть.

– Неужто? А я почему-то принял тебя за домовенка. Старенького, лет под восемьсот-девятьсот.

Рот парнишки растянулся от уха до уха:

– Не-е-е. Мне шесть, – глаза Корво загорелись. – А я же ребенок! И человек! Я тебя освобожу.

Демон вспыхнул от радости, мелкие камешки разлетелись. Тут же, приглушив огоньки, протянул:

– Как? Я не знаю отпиряющего заклинания, а ты мал для опытного мага.

– Надо очистить тебя от камней. Я сильный, дерево пальцами мну. С оковами что-нибудь придумаю.

Больше часа малец оттаскивал камни, рыл неподатливую породу. Наконец, перед ним предстал скрученный оковами Моргот. Блестящие, черные полосы, на ощупь похожие на металл, окутывали тело демона, опутывали руки и ноги, затягивали в три круга шею, врезались в грубую красноватую шкуру.

Корво с усилием потянул за одну. Полоска слегка оттянулась, затем еще сильнее врезалась в тело монстра. Тот сдержанно рыкнул, хотел было пальнуть огнём, но стерпел жгучую боль, опасаясь упустить мальчика. Парнишка дергал одну за другой, но результат был одинаковым – полосы чуть отходили, после чего затягивались туже.

Мальчик уперся ручонками в колени, дышал глубоко, с покрасневшегося лица срывались крупные соленые капли. От обиды на глаза наворачивались слезы, Корво сжал кулачками упрямые пути, дёрнул, дёрнул ещё, надрывно крикнул:

– Да разрывайтесь вы!

Внезапно сухо затрещало, полосы посветлели, на ощупь став как перетертый лён.

Моргот дико расхохотавшись, воспарил под сводом пещеры. По коже проблескивали оранжевые молнии, в глазах играли яростные огоньки:

– Я свободен от оков Ишгара! Этот мир увидит жесточайшего тирана всех времен!

Краем глаза демон заметил забившегося в щель, дрожащего паренька. Огневик расправил грудь, вперил в мальчика злобный взгляд:

– Начну завоевание с жертвы новому Правителю! То есть себе!

Мальчишка зажмурился. Моргот распался, в когтистой лапе, разбрасывая снопы искр, разрастался огненный шар. Внезапно он взорвался, окутав изумленного демона, заполонив пещеру жаром и едким дымом. В пустой пещере, среди валунов, без сознания остался лежать маленький Корво.

Повелитель Еннома очутился в просторной комнате. Бревенчатые стены аккуратно оскоблены, даже забитый в щели мох не свешивается, а лишь местами выпирает. Посредине небольшой стол, два резных кресла. Огневик удивленно заметил, что нигде нет ни лампы, а языки пламени от его тела не оставляют ни тени, ни даже запаха смолистой гари. Через секунду скрипнула незаметная дверь, в комнату вошел человек. В монашеской робе из верблюжьего волоса, закинутый на голову капюшон скрывает тенью лицо. Архидемон вспыхнул и испугался – от силы не осталось и следа – в руке не появилось даже искры. Человек жестом указал на стол – разъяренный из-за собственного бессилия Моргот прорычал:

– Где я и кто ты, смертный? Отвечай, не то я выпотрошу тебя. Даже самая могущественная человеческая магия не сравнится с силой архидемона.

– Сядь. Бравадами победы не одержать.

В голосе незнакомца, спокойном и глубоком, чувствовалась великая мощь. Огневик перекинулся человеком, пятерня пригладила, рыжие волосы. Он нетерпеливо уселся в кресло,

руки судорожно обхватили подлокотники. Монах медленно подошел к столу, мягко опустился на свое место. Голову склонил низко, лица по-прежнему не было видно.

– Моргот. Ты перестал быть демоном, когда восстал на Ишгара. Хоть и остался бунтарём. Огневик вздрогнул. Откуда незнакомец знает о событиях трехсотлетней давности?

– Произнеся проклятие на Диптрена, ты произнес его и на свою сущность.

– Кто ты? Почему я бессилён?

Незнакомец качнул головой:

– Бессилён. . . Я бы так не сказал. Что ж, отвечу. Отчасти, у тебя нет силы, потому что нет власти. Раньше была власть от Высшего, потом от Ишгара. А теперь ты – сам по себе. Кто я?

Монах положил руки на стол. Ладони перевязаны серыми тряпицами, на каждой – запекшиеся корки крови.

– Такие же на ногах. Это стигматы, Моргот. Печать, подтверждение договора. Символ, указывающий на право собственности. Если этого недостаточно, можешь заглянуть мне в глаза. За последние пару сотен лет мой взгляд выдержало лишь четыре человека. И вряд ли его выдержишь ты.

Демон онемел. Он разговаривал с Младшим – достигшим познания полноты и ставшим отражением Высшего. Напротив него, в простом кресле, в одежде из верблюжьего волоса сидел Теграмтон. Монах кивнул, подтверждая догадку.

– Ты посягнул на мою собственность. Выкупленную дорогой ценой. Я мог бы отправить тебя в бездну. Но. . . Я оставляю тебя здесь.

Теграмтон встал, заложил руки за спину.

– Давай пройдемся по моему чудному дому.

Моргот, сдерживая ярость, поплелся за монахом. В голове роились беспокойные мысли. Вот идиот, зачем я убил эту мелкую тварь? Наверняка Ишгар осведомил богов о моей темнице. Конечно, они сонмами охраняли черную скалу, чтобы защитить свою любимую картину с этими жалкими людишками. Надо было молнией мчаться подальше – туда, где царствует насилие и похоть. В Первую Землю. Среди темных пятен человеческой падшей природы его маленькую серую точку бы и не разглядели.

Младший средоточенно промолвил:

– А ведь мальчишка разорвал пути Ишгара. Одним лишь словом. Если бы он вступил с тобой в бой, но. . . Ты не убил Корво. . . Не успел.

Теграмтон провел огневика по немногочисленным комнатам. Все пустовали, украшенные лишь мутноватыми окнами и прибитыми к стенам картинами:

– Мы находимся в его душе. Это я создал ее. Чистую, опрятную. С необходимыми для жизни удобствами.

Монах повернулся. Демон от неожиданности отпрянул, глаза еще искрились яростью, но в них застыл немой вопрос. Младший коснулся рукой своей груди:

– Я заключаю тебя в душе Корво. Ты сможешь увидеть рост и жизнь человека изнутри, его мысли, удачи и ошибки.

Помолчав, продолжил:

– Может даже. . . Научишься у него чему-то. Любить, понимать. . . Прощать. В обмен, он будет иметь часть твоей силы. Придет время, когда тебе и Ирэну предоставят возможность сделать выбор. Еще один раз. . .

Теграмтон начертил в воздухе прощальный знак и во мгновение ока исчез. Изумленный Моргот какое-то время стоял, обескуражено пялясь на пустую стену. Затем, поняв, что из одной тюрьмы попал в другую, вспыхнул яростно, распустил снопы красноватых молний. С усилием, на какое только был способен, демон бросался на стены, бился о затянутае дымкой экраны, ломал когти, пытаясь сорвать замысловатые картины. В новой обители от его стараний

не оставалось и царапины. Перед закланием Теграмтона повелитель Огнистого Еннома был абсолютно бессилён.

Проходили годы. Корво рос, набирался сил. Моргот наблюдал за жизнью людей изнутри. Он привык к тому, что в его вынужденной обители появлялись и исчезали разные вещи – символы характера, души человека. На мутных экранах отображались мысли рыжеволосого. Часто слова отличались от внутренних дум. Огневик размышлял об этом все чаще. Демоны, как и ангелы были проще, целостнее. Они являлись воплощением выбранной стороны – люди звали это злом и добром. Каждый из них обладал разной властью и возможностью влияния, но люди разительно от них отличались, были чем-то необычным. Их душевные потоки менялись по нескольку раз в день. Какие-то потоки застывали, отвердевали, иногда ломались. От зла душа темнела, от добра наполнялась светом. В этом доме светлых потоков было больше, чем темных – и при этом они уживались вместе, не вредя друг другу. Тёмные и светлые бы давно друг друга перебили.

Моргот ненавидел людей, как и все остальные творения Высшего. Но он решил разгадать секрет их силы. Когда Корво прыгнул в священный костер, Моргот защитил парня от жара. Не то, чтобы хотел спасти. Огневик чувствовал, что не пришло нужное время, не набрался еще опыта. Да и хотел попробовать, каково это – делать что-то против своей природы. И не раз и не два демон помогал парню, который крепчал на глазах. В Дольснее, во время поединка с янычаром, он дал столько своей энергии, что изумленный Корво без усилий опрокинул навалившегося здоровяка и, словно талый воск, смял мужчине шею. После этого Повелитель Еннома ощутил, как в него вливается иная, человеческая сила, а стены тюрьмы местами потемнели, местами потрескались, где-то стали прозрачнее.

В странном пустынном лесу, после битвы со злобными мантикорами, демон подлил в сердце рыжеволосого лютой страсти, подтолкнув его на ночь утех с воительницей Вирсавией. Моргот научился искушению человеческой души – не передавать сообщенные Ишгаром фразы, но создавать самому, играть на слабостях, похотях, подпитывать темные мысли и угашать светлые. Стенки души ветшали и демон мог бы пробиться наружу, но медлил. Ведь там, рядом был юноша с камнем Высшего, священным лазуритом – сильнейшим из восьми камней. Потом в отряде появился зрелый воин с рубином, притороченным к черному ятагану. Вырвись он на свободу – мало ли, отправят в бездну, а сменить ещё одну тюрьму ему не хотелось. Огневик помнил, как слово юного мальчишки сняло мощнейшие узы Темного, а тут находились зрелые мужи с символами власти. И Моргот выжидал.

Случай представился скоро. В пещере, окруженной турмами, было много первого огня, идущего из самого сердца земли. Камненосцы сбежали, он сам наорал на них, чтобы сбежали. Огневик впитывал жар земного ядра, впитывал злобные потоки, исходящие от находящегося в капище идола. Когда сила распирала его духовное тело, демон решился на удар. Но... Дух уже умирающего Корво оказался весьма силен. Дом-душа, который многие годы с участием демона разрушался, воспротивился огневику. И в момент, когда Моргот пролезал в трещину, кромки стены сузились, зажав бунтаря. Потоки – и светлые и темные, доселе беспрепятственно текущие в душе Корво, обвили тело Повелителя Еннома, высасывая, сколько могли силу. Святич, подпитываемый демонической энергией, хоть уже почти мертвый, ощутил дружеские следы и застал их в обители Зуритая, подсобив в битве с огненным турмом. В тот момент он испытал особые ощущения – соприкоснувшись, смешавшись с душой человека. Моргот стал Корво, а Корво стал Морготом. Единство продолжалось недолго. Схватив ятаган, Моргот вобрал силу Ригура – мелкого демона. Это помогло ослабить хватку человеческого духа. Сил хватило, чтобы уничтожить Зуритая, вобрав и его силу. Моргот побеждал рыжеволосого, вырывался на свободу. Его ненадолго задержало заклание юноши с лазуритом – демон разрушил связывавшие оковы и оказался в слякотном мире в тот миг, когда земные существа перелетали горную

цепь, разделявшую Первую Землю от Второй, в которой находится Царство Веллоэнс. В мгновение ока, прорвавший воздушную сферу, материализовавшийся огневик долетел до подножия горы и забился в ближайшую пещеру, не заметив, что в пепел спалил обосновавшееся там семейство аггов. После трехсот лет заточения в скале и тридцати лет томления внутри человеческой души демон жаждал мести, но сейчас нужно было затаиться на какое-то время, чтобы обдумать план. Что-то, а ждать Моргот научился...

Боги отринули нас, ангелов восхотевших свободы. Почему? Потому что никто не дал нам права быть вольными. Мы низринуты, хоть и обладаем мощью, способной ввести вселенную в хаос. Но даже Иигар, могущественнейший из падших, не может предугадать действий Высшего. Змей всего лишь строптивая пешка в его игре.

Боги создали людей и дали им право выбора, которое было у нас лишь единожды. Они отвергают богов, противятся им, слепо повинуются и пресмыкаются перед светлыми. Их проступки тяжелее наших во сто, тысячи крат... И они живут дальше, повторяют свой выбор по три десятка раз на день.

Жалкий мальчишка, не видящий дальше своего носа, не изучивший глубин и тайн бесконечного космоса, даже не испивший из духовного потока сдерживал мою мощь тридцать четыре года.

Кто вы такие, люди, что вам дана такая власть? Вы – жалкие, глупые, ничтожные существа. Разве можете вы управлять миром? Нет...

Я был светлым до начала времени! Я был флегретом, правителем Огненного Еннома тысячи лет и отвергся власти Иигара. Я прожил лучшие годы человеческой жизни, видя его истинную натуру изнутри. О, да! Только я, без властелинов и правителей, изучивший все три мира! Истинный Правитель – Я! Я достоин стать владыкой всего сущего! И ваша власть не вечна! Веллоэнс – достойная цель. Подчинив его, не останется преград, сила Высшего иссякнет на этой планете. Затем я захвачу владения падших, заключу Иигара в бездну, отомщу за позор. С армией демонов уничтожить мирок ослепших умом людей не составит труда.

Но, пока у человека, а тем более правителей Веллоэнса есть такая опасная сила, пусть они ее и не осознают, нужно действовать осторожно. О, Люди! Вы так слабы и мелочны, что не составит труда злом извратить ваши души и подтолкнуть к падению. Там, где невозможно чего-то добиться силою, в ход пускают хитрость. Вы и понять не успеете, как сами отдадите власть мне.

Ваша порочная натура скоро забудет, что у вас есть одна надежда – это Единство, Единство – самая хрупкая вещь на свете, ведь каждый из вас так склонен любить себя! Царство Веллоэнс падет жертвой разобщения и самолюбия!

Глава 6. Дожи

По извилистой тропке бодро шагал, беззаботно напевая, худошавый паренек. За спиной болтается узел с пожитками, рука уверенно сжимает посох. День чудесный. Весенний ветер окатывает теплыми волнами, в кронах деревьев щебечут птицы, гудят нагруженные свежей пылью шмели. Десять дней назад Авенир покинул Элхои. Монахи подсказали короткий путь до поселений, там юноша рассчитывал разыскать сабельщика и вместе отправиться в Веллоэнс.

Что они будут делать, когда придут в Обетованное Царство? Волхв старался об этом не думать. В голове звучало наставление Калита – «герой делает шаг, не зная, куда ступит нога. Разум всегда отстаёт от сердца». Эти слова вселяли покой – есть на кого пенять, если всё пойдёт прахом.

Волхв уселся на большой плоский камень, снял походный мешок, отцепил от пояса бурдюк с подкисленной лимонами водой. Руки выудили ломоть хлеба и кусок засоленной рыбыны. Авенир склонил голову в благодарении за пищу. Едва кончил молитву, рядом с камнем зачавкала сырая земля. На залитую солнцем поверхность выскочила тощая белка. Любопытный зверек подергивал усиками, просяще смотрел на незнакомца. Тот протянул кусочек хлеба. Белочка молниеносно выхватила подарок, отскочила на край булыжника. Оприходовав краюху, отряхнула мордочку, ожидающе уставилась на парня.

– Думаю, рыбка тебе не понравится. Вот, держи еще хлеба. Но на этом все.

Белка, осмелев, подскочила поближе, уцепилась лапками за хлеб. С недоумением взглянула на волхва. Тот держал крепко, улыбнувшись, разжал пальцы. Лесной житель спрыгнул с камня, держа наживу в зубах, быстрехонько забрался на ближайший ясень, скрывшись в редких листьях. Авенир собрал пожитки и продолжил путь.

Дорога вывела на опушку, с неё поселение видно как на ладони. Маленькие, перекошенные временем бревенчатые домишки. Из труб выются тоненькие ручейки дыма. На улочках на удивление тихо, нет привычного для таких мест детского смеха, женских перепалок, мужицкого бормотания.

Авенир спускался к хаткам. Внутри ёкнуло, сердце забилось часто, рубаха прилипла к телу, мысли в голове спутались. Почему так тихо? Почему никого нет на улице, ведь сейчас уже день? Должно быть много людей!

По спине стегнуло холодом, волхв упал на четвереньки. В горле стал ком, живот стянуло, захотелось зарыться под землю, оказаться подальше от этого заброшенного неприветливого места.

Юноша начал задыхаться, в груди метались молнии. Пересиливая панический страх, открыл глаза – взгляд уперся в худую черную лапу. Лихорадка стала отпускать, в голове посветлело. Авенир завалился на спину, повернул голову в сторону животного. За ним безучастно наблюдал громадный худой пес. Из под гладкой черной шкуры выпирали ребра и лопатки. Кожа на хребте натянулась, позвонки местами прорвали истончившийся плен и теперь белели на солнце. Когти и зубы уродливой твари неестественно длинны и тонки, клыки остры – легко распорют даже медвежью шкуру. Выпученные глаза налиты кровью, зрачки-угольки застыли в ожидании, следят за малейшим движением.

Авенир зажмурился, до рези в лёгких вздохнул. Медленно, стараясь не спровоцировать зверя, перевернулся на бок. Пес не двигался. Юноша осторожно поднялся, со странным чувством спокойствия поднял оброненный посох, ноги привычно ступали по пыльной земле. Краем глаза увидел, что странное животное идет рядом, подстраивается под ритм странника, словно шкурой ощущая – незнакомец не испытывает страха, а значит, безопасен, не будет вопить, бросаться камнями, гнать палкой.

Солнце вошло в зенит, припекало все сильнее. После прохлады лесной чащобы пыль с дороги забивала легкие, во рту пересохло, дышалось трудно. Поселение проплыло мимо, со своими испуганными, закрытыми для чужаков домиками. Спустя час, перед волхвом выросла другая деревенька. На краю расположилась угрюмая едальня, старые бревна поросли мхом, крыша прохудилась, со стороны перекошенного нужника серым блеском отливало осинное гнездо. Пес остановился за несколько шагов до корчмы, повернулся и обыденно засеменял к ближайшему ручейку.

Юноша заскрипел дверью, нагнувшись, вошел. Внутри темно и чадно. Столы тесно жмутся друг ко другу, грязные стены влажны от пара. Несколько мужиков, поругиваясь, перекидываются в карты. Все заржали. Один из игравших – здоровяк с квадратным лицом и перебитым угреватым носом, зардел, через секунду загорланил небылицу:

«Ехала деревня мимо мужика,
Вдруг из-под собаки лают ворота.
Выскочила клюшка с бабкою в руке
И огрела деда клюшкой по башке.
– Тпру! – сказала лошадь, а мужик заржал,
Лошадь пошла в гости, а мужик стоял.
Лошадь ела шани, а мужик – овес.
Лошадь села в сани, а мужик повез»...

Братия снова задалась смехом. За другим столом проснулся кряжистый дед, осоловело взглянул на ржущую кодлу, сердито забурчал – мол, нет у старухи моей клюшки, да сама она три года, чай, как померла – и захрапел, уронив немытую голову на отесанные доски.

Авенир принялся уплетать овсяную кашу. Варевое было мерзким и холодным, пахло рыбой, то и дело попадалась жесткая шелуха. Хлеб же просто таял во рту – горячий, только из печи, слегка почерневшая корка, а запах мгновенно уносил воображение в поля колосающейся ржи. Волхв набирал полный черпак каши, задерживая дыхание, впихивал клейкую массу в рот. Проглотив гадкий ком, тут же нюхал хлеб и откусывал маленький кусочек – дабы хватило до конца трапезы.

В дверь вбежал потрепанный, грязный мальчишка. От него несло гнилью, в нечесанных засаленных волосах копошились вши. Волны жира перекатывались под бледной, словно сырое тесто, кожей, рот почернел, под узенькими глазками-щелочками нависли огромные желто-зеленые синяки. Умалишенный обвязан истлевшими лоскутьями, штаны проела моль, босые ноги покрыты сеткой кровавых, сочащихся сукровицей, струпьев.

В корчме все замерло, только наглые черные мухи беспечно жужжали, выписывали в воздухе кренделя. Оборвыш неестественно запрокинул голову, с ловкостью белки бросился к столу, где только что смеялись мужики. Те мгновенно протрезвели, сидели, не дыша. Мальчишка орал им в уши, запрыгивал на стол, пихал изувеченные ноги в лицо. Ни один не шелохнулся. Бесноватый бросился к аккуратному, ухоженному мужику. Тот грустно глядел в окно – будто и не заметил детеныша. Бутуз побегал возле него, бросился к другому, потом завизжал и кинулся к гулякам.

Наконец, запыхавшийся мальчишка подсел к одиноко сидящему печальному мужчине, ужасно скорчился и принялся выть.

Авенир наблюдал недоуменно, в голове вспыхивали и роились противоречивые мысли, на белом листе памяти проступали пятна. Вдруг всё сложилось в хрупкую нестройную картинку. Ровным тоном произнес:

– Не положено по уставам древних бросать отцу незаконнорожденного. И тем более уносить младенца в старые склепы.

Забыв на секунду про сумасшедшего, все устремили взгляд на волхва. Тот равнодушно пожал плечами, кинул хозяину медяк и, опираясь на посох, вышел из корчмы.

Пройдя пару домов, чаровник узрел приличную лавку – оскобленную и даже покрашенную. Из вещевого мешка выудил запыленный наруч, аккуратно протер холщовкой. Выудил сверточек с кистью, которую подарил Калит, краюху хлеба, путевой свиток и плащ. А вот и книга, самая драгоценная вещь в пути. Руки дрогнули. Почти самая драгоценная. Ладонь бережно погладила висевший на шее кулон. Искра Церсы, хрупкий прозрачный флакончик в форме семиконечника, хранил в себе душу Корво. Монахи указали на карте Озеро Чистых Душ, находящееся на границе Бангхилла – тёплого богатого края и земель Фаэлсиргра – правителя Мерзлой пустоши, граничащей с грядой суровых гор, за которыми по легендам, кончался мир людей и начинался мир Бездушных. Это озеро уходило далеко от прямого торгового пути в Заветное Царство. Караван дошел бы от ближайшего перепутья за четыре – пять месяцев, с крюком уйдет около года. Хотя, куда ему торопиться, важнее оживить друга, найти потерявшихся соратников. Фатира... Образ возлюбленной возник мимолетно, сердце тоскливо сжалось. Что-то большее, чем ночь в шатре, связывало их – не только на уровне тел, но глубже, на уровне души или даже духа. Авенир ощущал, что она жива и в безопасности. А значит, когда-нибудь он отыщет её.

– Кто ты?

Авенир оторвался от горестных дум. Неподалеку стоял мужчина из едальни. Невысок, полноват. Сапоги из красной кожи, прошиты тонкой, позолоченной нитью. Добротный кафтан украшен медными пряжками, прилажен к телу ровно. Светлое квадратное лицо, кожа не закалена палящим солнцем и морозным ветром. Глаза темны, в зрачках играют огоньки страха, надменности, алчбы. Черные волосы зачесаны, собраны в хвост, щедро умащены маслом. Волхв молчал. У мужчины дернулся глаз, рука нервно погладила короткую бороденку.

– Бесёнок не тронул тебя. Когда ты вышел из корчмы, он мигом кинулся вон. Почему?

– Ваша деревня его боится, а я – нет. Мне нужно остановиться на пару дней в хорошем доме. Тогда отвечу на все вопросы.

Староста Реджекет жил в старом родовом поместье. У палатей расположились свинарня и конюшня. Из добротной будки выбежал здоровенный соломенношёрстный пес. Двор залился радостным собачьим лаем, зверь оказался добрейшим на свете существом. Хозяин смущенно улыбнулся:

– Коврижка. Нельзя на охрану ставить – залижет вора насмерть.

Молчаливая хозяйка торопливо просеменила через двор в небольшой солярий, заперла за собой воздушную, свитую из тонкой ленты дверь. Послышался всплеск.

Ветер донес аромат жареного мяса, рот волхва наполнился слюной. В сопровождении Реджекета юноша зашел за угол. На раскаленных камнях шипели, испуская капли кипящего жира, тоненькие розоватые пластики. Марх то и дело подсовывал в ямку под камнями уголья из костерка, sprыскивал жаркое яблочным уксусом, подсыпал специй. На сабельщике была черная безрукавка-волчовка, у пояса болтался ятаган. Черная сталь не отражала солнце, рубин в наверхье сверкал точеными гранями. Завидев пришедших, растянулся в улыбке.

– И Авенир здесь. Старик оказался проницателен. Как и всегда. Не зря хозяина пятый день подряд в корчму отправляю.

После трапезы Реджекет проводил мужчин в свой кабинет. Жена принесла поднос, кокетливо улыбнулась мужу и исчезла за дверью. На столе остался кувшин терпким травяным настоем и три пиалы. От напитка прошибло пот, полуденный жар казался не таким мучительным, задышалось легче. Хозяин завел разговор.

– Так кто же ты, Авенир? И почему бесёныш тебя не тронул?

Юноша хмыкнул:

– Я странник, ишу то, не знаю что. Но сейчас хотя бы понимаю, где оно находится. Иногда во мне просыпается дар предвидения. Кто-то зовет это догадливостью, смышленостью, умом. А бесёныш не тронул меня, потому что я не трогал его.

Реджекет смутился:

– Никто из нас не задевал этого юродивого. Законы не велят причинять вред безумным. Но он уже лет пять держит в страхе окрестные деревни. Если какой мужик и пытался прогнать, вывести из села, связать – мальчонка убежал. А у мужика того потом страшные дела происходили. То хозяйство передохнет, то струпьями покроется, то хата сторит. Его теперь никто и пальцем не тронет. Вот только от его беснований живется всем трудно.

Волхв пристально взглянул на мужчину. Тот смутился, отвел взгляд. По щеке скатилась капля пота, зависла на подбородке и сорвалась в чашку с зеленой жидкостью. Чеканя слова, парень произнес:

– Этот мальчик не бесноватый. Просто он – дожи.

И Реджекет и Марх уставились на чаровника:

– Кто?

– Дожи. Не спрашивайте, откуда я это знаю... Просто знаю. Каждый человек трёхсущен – тело, душа и дух. Эти ипостаси переплетены в единую жизнь. Тело отвечает за жизнь в этом мире, дух – за общение с богами. Душа же – наш опыт, характер. Иногда бывает, что рождаются люди, у которых эти нити срослены. Их зовут дожи. Их состояние души отражается на теле, заставляя принимать иное обличье, либо влияя на внешний вид.

Марх прервал волхва:

– То есть, перевертышы, оборотни, вервольфы, арпейны, кидвары и другие твари – дожи?

Авенир кивнул:

– Отчасти. Но они могут контролировать свое перевоплощение, или, хотя бы устойчиво перекидываются в одного зверя. А дожи – нет. Да и обличье они могут поменять только от очень большого потрясения – войны, насилия... страха. И если арпейн перекидывается в... красивого зверя, то дожи – что на душе, то и на теле. А от насилия, предательства, войн в душе красоты немного, сам понимаешь.

Староста возразил:

– Но в этих краях последнюю сотню лет ничего не случилось. Все тихо-мирно. И тут – такое несчастье. Боги прокляли нас.

– Реджекет, я знаю о богах больше, чем ты знаешь о своей жене, поместье и этих краях. Боги проклинают лишь тех, кто заслужил проклятие. Этот мальчик принимает обличье пса из мира инородных, существ, отличающихся от нас. Его лапы покрыты струпьями. Знает ли хозяин этого дома, что это за символы? А ты, Марх?

Тарсянин подпалил трубку:

– Пес в моей культуре – символ подчинения, служения. Лапы, ноги – свобода и сила.

Волхв улыбнулся и посмотрел на побледневшего мужчину:

– А мир инородных указывает на смерть, нарушение древних канонів. До тринадцати лет ребенок освобожден от закона. Но его родители – нет. Вот и получается – мальчик был рожден вне закона и провел часть жизни в несвободе, заключении рядом со смертью. А знаете, что самое страшное?

Сабельщик посуровел, затянул вонючую гарь, тихо процедил:

– После своей тринадцатой весны он начнет мстить.

Деревянный меч больно ударил по плечу, описал полукруг и плашмя прилег на запястье. Авенир вскрикнул, онемевшие пальцы выронили тренировочный посох. Марх легко обошел чаровника, царапнул тупым острием по мягкому месту:

– И вот, сир Хилей лишился драгоценных филей!

Волхв закусил губу, потеряв ушибы, сжал оружие. Вторую неделю тарсянин морил его тренировками. Вставали до солнца, ложились после заката. Сабельщик настоял, чтобы они покинули дом Реджекета и раскинули лагерь неподалеку в лесной чащобе. Ели в основном зай-

цев и мелкую птицу, запивая родниковой водой. Марх заставлял есть почти сырое мясо, на то, что у волхва болел живот, не обращал внимания – мол, желудок станет крепче, и вообще сил надо набираться. Неделю назад с мужиками на охоте завалили лося. Им досталась нога – жесткая и жилистая. Одну часть добавили в похлебово, другой кусок завялили. Оставшуюся сочную часть сабельщик закопал и достал позавчера. Мясо подпрело, воняло тухлятиной, но тарсянин заставлял есть – понемногу, по крупинке, с каждым разом увеличивая количество. Внутренности болеть перестали, хотя появилась другая проблема – днище выносило по-страшному.

На этот раз ели пойманного Авениром лисенка. Руки волхва горели от ссадин и укусов, ноги сбиты об камни, лицо в царапинах от еловых лап. Зверек был хитрым и изворотливым, Нир охотился за ним несколько часов, а когда все же поймал, то встретил яростный отпор.

Марх позволил хорошо прожарить мясо, помог омыть раны и перевязал их лечебными травками.

– Зачем надо ловить зверя вживую? Разве нельзя было подстрелить из лука? И зачем столько тренировок? Я и так почти стал калекой.

Тарсянин ухмыльнулся:

– Вот скоро я тебя отправлю зайцев ловить. Не всякий человек добудет лису, но и лиса добудет не всякого зайца. Они изворотливы, постоянно петляют, а если схватишь – смотри, чтобы лапами под дых не дали.

Авенир с негодованием зрел на сабельщика. Тот развел руками:

– Неужто устал? Ты думаешь, что магам не нужно быть быстрыми и выносливыми? Скорость – это единственное, что может тебя спасти, когда супротив тебя более могучий соперник. Да и что ты будешь делать в землях Фаэлсиргра, где твои чары могут быть бессильны?

– Так мы ведь отправляемся в Веллоэнс!

Марх пожал плечами:

– А крюк делаем через Озеро. До Фаэлсиргра рукой будет подать – может и заскочим в гости. Никогда не знаешь, куда отправит тебя Фортуний. – Сабельщик закинул тюк на плечо. – Пора в деревню. Реджекет сказал, что сегодня бесёнку исполнится тринадцать.

Нир взглянул на соратника, на лице возникло недоумение:

– Ты знаешь, что делать?

– Знаю, – сказал Марх таким тоном, что юноше стало не по себе.

На деревню упал вечер. Потемнело. Небо затянули тяжелые тучи, закат раскрасил их в зловещий багровый цвет.

«Кровь на небе – кровь на земле» – вспомнил Марх древнюю поговорку.

Жители попрятались, накрепко заперев дома на засовы, наблюдали через узенькие смотровые щелки. Реджекет стоял рядом с Авениром, спереди, сжимая ятаган и осматриваясь, насторожился Марх.

На улицу вышел чудовищного облика пес. Дожи показался Авениру в полтора раза крупнее. Под черной гладкой шкурой перекачивались тугие жилы, хребет выпирал из прорех длинными острыми костями. Пылающие огнем глаза неотрывно следили за полноватым Реджекетом, из глотки слышалось глухое рычание, пасть исказилась в дьявольском оскале. Сабельщик крикнул:

– Проси прощения!

Светловолосый мужчина побелел, руки затряслись, глаза выкатились. Он попытался что-то произнести, но наружу вырвался лишь испуганный возглас.

– Проси прощения! Как учил!

Реджекет стоял молча. Дожи, словно не замечая Марха, кинулся на крестьянина. Тот, придя в себя, бросился наутек. Сапог воткнулся в ямину и мужик, подняв клубы пыли, растянулся на дороге. Пес догнал жертву. Раздался короткий вопль.

Тарсянин замер, держа двумя руками ятаган. У его ног лежал, закрыв руками голову, дрожащий Реджекет. На старосте валялось обезглавленное тело толстого мальчишки, густая кровь фонтаном выплескивалась наружу, тяжелые капли падали на землю, на одежду, лицо светловолосого.

Марх презрительно плюнул:

– Гордись отец! Ты не только отказался от воспитания сына, но и не смог попросить у него прощения. Знай, твоя мягкотелость убила его.

Сабельщик взглянул на волхва:

– Больше нам здесь делать нечего. Отправляемся в Кроуфилд, поищем подходящий караван.

Когда деревенька осталась за плечами, Авенир схватил Марха за плечо:

– Зачем ты убил его?

Тарсянин огрызнулся:

– Я хотел всего лишь подрезать сухожилие. Готов поклясться, клинок удлинился и по форме стал подобен мечу – тяжело вздохнув, добавил. – Что сделано, то сделано, идем.

Через два дня дорога заметно расширилась, по обеим сторонам растянулись пашни. Тут и там работали мужики – раскидывали навоз, окучивали картошку, поливали молодые всходы. Путь вывел к светлым хоромам. Гладкие обструганные бревна прилажены ровно, дерево просмолено, щели плотно забиты. От калитки к дому вела вымощенная отесанными камнями дорожка. Во дворе сновала прислуга – кормили животину, прибирали поляну, собирали с кустов-деревьев урожай. Из просторной будки лениво выполз поджарый пес – сердито взглянул на чужаков и, решив, что опасности нет, фыркнул и скрылся от жары в прохладных покоях.

Мужчины остановились возле красивой, расписной двери. Некогда умелый резчик изобразил на дереве сокола, умертвившего ворона. Лак местами скололся, под новым слоем проглядывали светлые трещины.

За спиной раздался удивленный возглас. Марх с Авениром обернулись. Позади, в крестьянской робе стоял коротко остриженный Пармен. Тело перекошено, цыган сильно прихрамывал. Обе ноги свернуты, левая рука неестественно сгибается в плече. Видно, что после падения многие кости треснули, сломались. Каким-то чудом раны не воспалились, заражение миновало, жар и лихорадка отступили. Все срослось, но неправильно, уродливо, искалечив на всю жизнь.

Чернец потупил взор, зарделся. По щекам потекли слезы, раздался всхлип. Юноша начал поворачиваться, захотел уйти, скрыться, забыть изломавшую его судьбину. Вдруг ощутил, как сильные руки друзей обняли за плечи, сжали в объятьях. Так они и стояли втроем – плача, смеясь, проклиная тяжелый рок и благодаря богов за дарованную жизнь.

Хозяина дома звали Тулон. Полный, бородатый весельчак средних лет, с радостью принял гостей. На обеде он щедро потчевал мужчин вареной картошкой, сельдью, окрошкой и грибами, служанки разливали холодный квас. Облаченный в размашистый льняной кафтан, толстяк развалился в широком, заваленном подушками, кресле. Его супружница была под стать мужу: кровь с молоком, от каждой шутки женщина прикладывала на грудь ладонь и залиристо смеялась – светлые тела ходили волнами, а в ушах еще долго звенело. После первой смены блюд Тулон отослал жену и служанок вон. Рассказал немного о себе – что живёт припеваючи, торгует зерном и медом, детей боги не дали – да он и не просит. Затем Тулон приналег на сладкие булки и начал выпрашивать гостей о приключениях. Авенир неторопливо вел беседу, что-то опуская, где-то приукрашивая, сгущая краски – то заставляя толстяка замирать в ожидании, то веселя нелепыми случаями.

Жадно выслушав истории, купец чуток погрустнел:

– Эх, хотел бы и я испить ту же чашу. А то живу скучно как-то. Болею сильно, лихорадки частые – с животом таким тяжело.

Тулон оглянулся, понизил голос:

– А тут еще и наваждение привязалось. Сижу на скамейке, помогаю жинке сало нарезать. И мысли в голове – полоснуть ей по горлу. Или печь разошлась – и охота подцепить головёшку, да закинуть в угол, чтобы терем подпалился. Я уже все грехи искупил, во всех капищах жертвы принес. Вот, юродивого приютил, не посмотрел, что глаз и волосы черны. Даже к другой деревне путь через лес рубить приказал – слышал, там источник целебный. Может ты, чаровник, поможешь? Травок каких-нибудь дашь, или поворожишь?

Волхв помолчал, опустил глаза в пол:

– Рад бы, да не хватит моей силы для такого дела. Тут нужен очень могучий маг.

Толстяк грустно вздохнул. Авенир ударил себя в лоб:

– Что же я за тугодум! Есть же у нас маг могучий. Рядом сидит. Марх, окажи милость, исцели барина!

Купец недоуменно уставился на Марха:

– Ты чародей?

Марх ухмыльнулся:

– Низко летаешь, хозяин. Чародем я еще в юности был. А сейчас уже не чары творю, а жизнь! Только учти – на твою немощь обычные заклятия не подойдут. Тут по-особому волновать надо. Демонов никакими силами не выгнать, только обмануть, чтобы сами ушли. Пусть думают, что попали в крестьянское нутро.

Высокая сосна с треском накренилась и, описав полукруг, шумно рухнула на мягкую лесную землю. Тут же подбежали мужики с тесалами – отрубали ветви, счищали кору, пилили ствол на чурки. Тулон находился здесь же. Одетый в льняную рубаху, с флягой на поясе, толстяк закидывал коротыши на телегу. Едкий пот щипал глаза, плечи покраснели от жаркого солнца, легкие болели. На обед со всеми разделил краюху черного хлеба, сваренные вкрутую яйца и желтый овечий сыр.

Вернулись с просеки вечером. Прохлада пригнала гнус, мошкарку. Марх запряг коня и заставил хозяина вспахивать небольшое поле. Уже к ночи, выйдя из бани, распаренный Тулон пришел домой и даже не сев за стол, рухнул в кровать.

– Не слишком ли ты его гоняешь? – волхв стоял в сенях, вдыхая свежий ночной воздух.

– Ты прав, акудник, – сабельщик начищал ятаган. – Не слишком. Пусть с завтраго еще и воду из колодезя сам таскает.

Под утро, дав наставления и проводив барина к лесорубам Марх, Авенир и Пармен с груженой телегой отправились в ближайший торговый город.

Глава 7. Андор

Четвертые сутки, не переставая, лил дождь, небо сплошь было затянуто черными угрюмыми тучами. Сегодня природа буйствовала как никогда. На отряд обрушивались тонны воды, свирепый ветер яростно выл, студил тело. Копыта коней вязли в грязи, животные испуганно ржали. Пришлось спешиться, крепко держа за узду, вести через непроглядную пелену. Сапоги застревали в чавкающей земле, мутная жижа заливалась вовнутрь, одежда противно липла к телу, а кольчуга невероятно давила на плечи.

Андор с воинами взбирались на всхолмье. Колеса повозок проскальзывали, мужчины вцепились в края и толкали, что было сил. Один не удержался, руки проскребли по мокрому дереву и горемыка пластом грохнулся в серое месиво. Царевич отдал приказ раскинуть лагерь на ближайшей поляне. Похудевший и бледный, он походил на мертвеца, только глаза горели живо, и голос звучал невероятно сильно, когда воевода подбадривал соратников.

Вход в палатку вектира приоткрылся, вошел Андор. В тусклом свете свечи лицо мужчины приобрело желтоватый оттенок, под глазами явственно чернели синяки, делая его похожим на упыря.

– Эта проклятая слякоть совсем меня доконала. После болота с его гнусом и кеттинских затхлых могильников, больше всего я хочу попасть в теплое сухое место. Хану, где мы сейчас?

Мужчина в плотном фиолетовом балахоне разложил карту. Хану стал вектиром в двенадцать лет. Его отец-шаман, пообещал богам посвятить сына в целители, если те спасут мальчика от воспаления. Хану потерял правую кисть. Вместе с нею лишился и мужских признаков, но сохранил жизнь. Сейчас на месте обрубьша красовалась искусственная, из черного серебра, пятерня – вектир слыл не только умелым целителем, но и талантливым инженером. Евнух ответил, высокий голос позванивал:

– Милорд, мы должны быть в трех днях пути до жилых земель кеттинов. Не могу определить точное место, ведь небо закрыто. Позаботьтесь о себе, царевич. Нам нужен сильный воевода, а у вас все признаки чахотки.

– Обо мне не волнуйся. Этот жар внутри согревает от непогоды. Куда нам двигаться дальше?

– На запад. Дайте отряду отдохнуть, все они измучены этой ужасной дорогой.

– Что ж, ты прав.

Андор закашлял. Сплюнув на землю сгусток бледной слизи, посмотрел на вектира:

– Повели лабазнику выдать на каждую палатку по фляге вина. В последнее время я что-то не слышу веселых разговоров и песен.

– Слушаюсь, милорд, – Хану протянул царевичу кувшин. – Я настаиваю, чтобы Вы выпили зелье, оно придает сил и укрощает внутренний огонь.

Дойдя до своей палатки, Андор предался размышлениям. Во рту противно отдавало зельем, но лихорадка отступила, дыхание стало спокойнее, кашель прошел. Эти несколько дней стали для его разведчиков сущим адом. Мрачные вести дошли до Веллоэнса. Кеттинские земли беспокойны, на поселения Веллоэнса совершаются набеги, а их сцэр жаждет захватить новые поля для выпаса. После посвящения, каждый из детей должен выполнить задание Отца, дабы показать свою верность и способность служить царству. Ему выпал жребий по душе – разузнать обстановку в тревожных землях, достать доказательства и, если Высший будет благосклонен – заполучить толкового языка. Миссия каждого царского отпрыска хранилась в секрете и никто не ведал, что будут делать остальные. Что ж, разведки, походы и битвы Андору были ближе, чем остальной родне. Лавиен с Ионнель слишком привязаны к шелкам, деньгам и пирам – недаром они близнецы. Феанор, младший – хороший и спокойный, но уж слишком слабохарактерный и хилый. Андор испытывал сильную любовь к простоватому, хоть начитан-

ному и искреннему братцу. Эх, его бы в поход месяца на два! Жареное мясо, битвы на деревянных мечях, охота на вепрей, хотя нет, лучше загонять оленей. И вся хворь из младшего выйдет, будет веселый, загорелый, крепкий. А книги – дело хорошее, но в меру, всех ведь не прочесть и за тысячи лет...

Царевич проснулся от противных спазмов в желудке. С трудом разлепив веки, обнаружил, что лежит, раздетый, на аккуратно разложенной спальной подстилке, укрытый тонким атласом. Солнечный свет, проходя через материал палатки, освещал внутренности мягким зеленоватым сиянием.

Натянув полотняную рубаху, Андор вышел наружу. Воины просушивали скарб, трое жарили подстреленного оленя. Подошедшему царевичу протянули пласт ароматного мяса и кувшин с теплым бульоном. Рот наполнился слюной. Мужчина, обжигая рот, откусывал куски, старательно пережевывал, запивая вкусным похлебовом. Когда прошел первый голод, воевода потребовал сыра и слабого вина. Наевшись до отвала, с удовольствием ощутил, что силы возвращаются.

– Рад, что Вы в добром здравии, милорд.

Звонкоголосый вектир стоял неподалеку, почтительно склонив голову. Фиолетовый с черными полосами балахон отражал солнце, казалось, что от евнуха исходит сияние.

– Хану, видать, старею. Я никогда раньше не просыпал побудку.

– Ты пробыл в забытии двое суток, царевич. Лихорадка могла увести в мир теней и целитель дал очень сильное снадобье.

Андор обернулся. Сайтахан оторвался от жарки оленя и горячо обнял соратника. Его с Андором связывало много событий. С детства южанин служил юному царевичу пажом, вместе изучали бой на мечях, воровали с царской кухни пироги. Чуть выросши, вместе охотились в царских лесах. Там, на охоте и случилось несчастье. Сайтахан загонял вепря, обезумевший зверь застал его врасплох и намеревался распотрошить парня. Андор бросился с коня на животное с бойцовским ножом и темное лезвие полоснуло самца по шее. Горячая кровь обагрила лесную траву, кафтан царевича и лицо окаменевшего от страха Сайтахана. Уже потом увидели, что кровь принадлежала не только вепрю. Бивень порвал правую руку Андора. Хану с мудрецами из Центральной башни сумели срастить кость и восстановить мышцу. На плече остался длинный белый шрам, который адски ныл на любой дождь, а царевича среди воинов прозвали Вепрем.

Освободившись от объятий, мужчина отдал приказ собирать совет, а сам поспешил обойти лагерь. Воины сушили вещи, начищали доспехи, точили оружие. Слышался смех, веселые разговоры. Увидев царевича, бодро поднимали руки в знак приветствия. Двое бились на кулаках. У приземистого темноволосого бойца заплыл глаз и разбита губа. Второй – светл и худ, но тело обвито крепкими жилами – не сводил глаз с противника, ловко увертываясь от ударов. Первый выкинул руку, метя в лицо. Блондин ловко присел, цепкие пальцы схватили предплечье и слегка дернулись – коренастый расстелился на траве, измазавшись в еще влажной земле. Увидев Андора, бойцы закончили тренировку, с нескрываемой радостью поприветствовали главаря. Царевич кивнув, зашагал дальше. Светлый – Тегон, умелый боец. Он попал в отряд полтора года назад. До этого был вольнонаемным, принимал участие в кулачных боях, выступал на пирах и балах, веселя захмелевшую публику. Спокоен, как вода. Тверд, как камень. Худощавый на вид юноша легко мог сжать стальную болванку и завернуть её в крендель. К мечам парень относился с презрением, чем выводил из себя наставника регулярного войска Джораха Килата. Андор перевел его в разведчики, предложил выбрать оружие самому. Тот, поколебавшись, заказал у кузнеца цеп из трех секций, соединенных троекратной цепью. Оружие получилось на славу. Легким движением оно становилось единым бронзовым шестом, в нужный же момент Тегон превращал его обратно в цеп. Воины окрестили его «холопом-нажатве», но когда юноша с легкостью обезоружил и изрядно помял троих самых задиристых

бойцов, смех приутих. С тех пор его зауважали, а один из поверженных напросился учиться необычному искусству битвы.

– Тегон, чему ты сегодня учишь Хавера?

Блондин, как всегда был непроницаем.

– Спокоен, как вода. Тверд как камень.

Хавер утер с губы кровь.

– И цепок, как хорек.

Андор улыбнулся.

– Побереги парню лицо. Местные девицы весьма придиричивы, а Хавер без женского тепла не сможет.

Коренастый оскалился:

– Меня не только за лицо любят. Я человек многих талантов.

Тегон без сарказма прокомментировал:

– Человек многих талантов, а воинскими обделен. Дерешься, как бабеныш – может и меж ног талант усох?

Хавер налился багрянцем. На секунду Андору показалось, что у воина сейчас взорвется голова или пойдет пар из ушей. Царевич отвернулся и поспешил на совет, оставив обидчивому бойцу отомстить за себя. То бишь, набить еще синяков от непроницаемого Тегона.

В штаб-палатке обсуждали план разведки. Мужчины уселись в круг, в центре была разложена карта. Вектир разлил в пиалы чай, раздал каждому. Андор принял чашу, отхлебнул, отметил, что это варево намного приятнее целебного зелья.

– Хану где мы сейчас? Дождь кончился, звезды видно.

Евнух указал тростью на изображение:

– Мы вышли из Кетгинских могильников. До ближайшего стана два дня пути на северо-восток.

– Предлагаю разбиться на группы и охватить несколько поселений.

Митян, добродушный толстяк с соломенными волосами и пышной, закрученной в косу бородой, поедал поджаристую утку. Сжав толстыми пальцами окорок и размахивая им вместо указки, великан показывал на карте направления:

– Легче пролезть незамеченными. А если и попадемся на глаза, никто не приметит в паре крестьян разведчиков. К тому же больше возможность обнаружить следы военных приготовлений.

– Мог бы сказать, что небо синее, а солнце светит днем!

Варион, мужчина средних лет, с крючковатым носом и хищным взглядом, поигрывал узким кинжалом. На нем был дублет серозеленого цвета и лоскутный плащ. Один из лучших разведчиков, джунгар прослыл скептиком до мозга костей, подозревал всех во всем и везде искал выгоду.

Митян насупился, молча принялся уплетать сваренного в яблочном вине рябчика. Андор окинул взглядом совет. Фаддей, в прошлом ловкий вор и плут, молча попивал чай, внимательно изучал карту. Худощавый коротышка походил на девятилетнего рыбацкого мальчишку – простоватое смуглое лицо, спутанные черные волосы, мальчишеский звонкий голос. Он никогда не высказывался первым, не вступал в споры и склоки, извинялся и бледнел при любом крике. Но за кажущейся робостью и хилостью скрывался расчетливый ум и стальные жилы. Царевич помнил, как пятнадцатилетний парень легко, словно горный ящер, карабкался по скалам Тиршафы в их первом походе. Тогда он повис над обрывом, схватившись за уступ, держа походный мешок с ножами и кольчугами. Фаддей закинул узел на безопасный пятак, потом, подтянувшись на одной руке, залез сам. Андор повернулся к Феккойцу.

– Что ты думаешь о нашей задаче?

Вор с серьезным видом произнес.

– Митян говорит дело. Надо разделиться. Я хочу пойти в кетостан, что чуть севернее их торгового тракта. И прошу отправить меня одного. Пусть Варион окажет нам честь и разделит остальной отряд по двойкам и тройкам. Думаю, что мужчины одного происхождения не привлекают внимания. К Кеттинам сейчас приходит многие выменивать шкуры и мясо, покупать зерно, пряности и украшения.

Варион ухмыльнувшись, крутанул кинжал, указал на Фаддея.

– Мальчик хочет идти один. Хочет доброй поживы. Но он теперь не вор, а разведчик. Или вор?

Феккоец мягко улыбнулся.

– Я – это я. Раз уж лис служит стране, позвольте ему остаться лисом.

Царевич опустил чашу на землю.

– Решено. Варион делит отряд, Митян распределит обозы, Фаддей идет один. На рассвете расходимся и встречаемся на этом же месте через восемь дней. Даст Высший, опасность ложная и царству ничего не угрожает.

За пригорком показалась неприметное Кеттинское поселение. В туманной дымке местность растворялась, на виднокрай выкатилось солнце – тяжелый, крупный шар искрился алоцветом, тужился, словно мужик за плугом, но пробить молочную пелену не мог. Виднелись верхушки юрт, высился черный истукан – шигир. Андор пощупал посох. Дерево шершавилось, на пальцах оставалось неприятное ощущение масла. Кеттины были одним из многочисленных племен ниятов, якобы ведших род от младшей дочери бога войны Мардука. Старшими были джунгары, средними – хунны. Джунгары ушли на север в поисках Великого кристалла. Хунны исчезли. Легенды гласили, что они преодолели восточные горы – Гряды Черных Бивней – в поисках Третьей Земли. Хотя сам Андор считал, что дурни просто передохли в тех опасных местах. Или лавиной накрыло, или кусок скалы откололся. Или сожрали горные твари – барсы, великаны, агги. Нияты же перестали кочевать и начали вести оседлую жизнь – сцер Эвдык (с их языка – мирный) выдал свою единственную дочь Нияйю за богатого Кеттинского сцера Гаруда. По обычаю ниятов, народ давал своему хану абсолютную власть. Он имел право первой брачной ночи, мог давать имена детям всего улуса, забирать себе лучшую добычу. Гаруд оказался человеком умным и расчетливым. Улус стал Ость-Таном, вместо вольного сбора кеттин выбрал влиятельных советников, душегубы отца избавились от недовольных. Улусы помельче, не пожелавшие присягнуть новому сцеру, были разорены, рассеяны, уведены в Кеттинские земли и через пару поколений от ниятов остались только мифы. Вот так величие бога Мардука, наводившее ужас на мирные народы, кануло в забвение.

Царевич Веллоэнса в одной из первых настоящих вылазок встретился с Кеттинами. Тогда ему было пятнадцать. До замка дошла весть, что в северо-восточных землях орудует бандитская шайка – разоряет деревни, жжет посевы, уводит девиц. К разбойникам, их было восемнадцать, удалось незаметно подкрасться ночью и окружить в кольцо. Глава отряда – Минар – велел казнить всех. Андор делал все по обычаю – смотрел прямо в глаза, произносил обвинение и исполнял приговор. Только одного он не смог убить – мальчишку его возраста, смуглого, с зелеными миндалевидными глазами. Его взгляд был очень странным – он не выражал злобы, испуга, храбрости – но проникал в душу, завораживал. Царевич оцарапал его щеки и грудь острием меча и произнес, что этого наказания достаточно. Парня отпустили, только Минар недовольно косился на Андора всю обратную дорогу.

Подходил к концу шестой день разведки. Андор с Сайтаханом и тремя воинами обошли три поселения. Становились на ночлег, приносили дары шигирам, вели беседы с приютившими их хозяевами. Сайтахан шатался по базарам, заговорщически сплетничал о смутах в Веллоэнсе. Кеттины с удивлением хлопали глазами, улыбались и разводили руками. В Ость-Тане всё

спокойно, боги дают плодovitость скота и земли, торговля идет бойко. А в ближайшем Вел-Энсте (так они звали Царство) если что и не идет – так не тем богам молятся.

– Я уже почти верю, что кеттины стали оседлым племенем.

Сайтахан снял с телеги мешок пряностей, закинул его в саат-шатер местного торговца. Смуглый купец оказал завидное гостеприимство, всячески охаживал гостей – поил чаем, угощал фруктами, выспрашивал о дальних странах. Мужчины отнекивались, мол, мы тут неподалеку, что за холмами твориться, не знаем. Андор распорядился, чтобы у Феруса закупили гвоздики с перцем, сушеного огнецвета и тагорского корня.

Андор потер щетинистый подбородок.

– В кеттинах течет кровь няятов, детей Джунга, избранных Мардука, как они верят. Эти люди не могут быть мирным народом.

– Да? Посмотри на Вариона. Он – джунгар. Чистокровный. В его жилах должен течь огонь. А он несет службу, подчиняясь иноверцам – слабейшим, которых даже за людей считать нельзя!

Царевич промолчал. Варион. У него своя, длинная и запутанная, история. Нелегко было его отцу приручить этого хитрого, мудрого и жестокого человека. Мужчина улыбнулся:

– Возможно, ты прав, Сай. Эту схватку я, наверное, проиграл.

В глазах Андора вспыхнули озорные искорки.

– Но нужно проверить последний вариант. Обычные жители могут и не знать, что готовит их сцер. Надо взять языка. Из воинов. А лучше из мудрецов и советников.

Манохаяец изумился, широко распахнул глаза, на секунду потерял дар речи:

– Андор... Мы в разведке и у нас нет никаких доказательств, кроме сплетен и рассказней горстки бродяг. Ты... ты подумал, как мы его вернем? Как провести всё гладко?

– Сегодня ночью. Схватим кеттинского гадателя, приведем к Хану. Вектир опойт его дурманом так, что тот и не вспомнит, где последнюю неделю был. В стане решат, что напился перебродившего кобыльего молока или перекурил волшебной травы. Высекут, не боле.

Ночь выдалась темная. Небо затянуло серыми облаками, прогретую землю охлаждала мелкая морось. Сайтахан нагрузил телегу и выехал на окраину селения. Кетан-купец долго и льстиво благодарил гостей, подарил сверток чая, зазывал остаться еще на пару дней. Манохаяец отсыпал хозяину шатра серебряных монет и поспешил удалиться. Царевич с оставшимися тремя соратниками отправился искать полонянина.

Мужчины дождались, пока весь стан умолк. Ночь выдалась на редкость темная – ни звезд, ни луны. Все кадилыники и костры погасили – малейший уголек без присмотра мог запалить гэр, а там и стан займется огнем. Уюрты располагались прилично друг от друга, приходилось перебегать быстро, пригнувшись, выждать – не разбудили ли кого.

Икк и Люй отправились в восточную часть поселения. По укладу, там должен стоять уюрт амира, ставленого князя. На востоке всходит солнце, и первым согревает главное жилище. Чем выше сан, тем больше позволялось иметь детей. Андор прикинул, что сыновья повелителя могут быть взрослыми, их шатры, или гэры, стоят рядом. Если кто на неделю исчезнет – и не заметят, мало ли – к кеттиночке повадился, али на охоту ускакал. Между тем – взрослый сын, преемник, присутствует на всех сходах, знать о готовящихся набегах.

Андор и шуплый Гекр передвигались мягко, без звука. Одетые в темные рубахи, на ногах – сапоги-мокасины на мягких подошвах, чтобы ощущать каждый камешек и ветку, черные плащи обернуты вокруг торса и заткнуты за пояс. Они шли на запад – к шатрам воинов. Глухо каркнул ворон. Мужчины легко обошли дозорного, спрятались за невысоким, убогим гэрмом. Издалека раздались голоса, среди уюртов проходили два мужчины в одеянии мудрецов:

– Китой давеча уже отсылал к сцеру посыльного. Так что не видать тебе знатного пайка и мягких шкур еще год.

Второй звякнул металлом, факел осветил массивную золотую цепь с медальоном:

– Этот Китой. Кем он себя возомнил? Молодой, значит – глупый. Прежний смотритель всегда прислушивался к моим советам и опыту.

– Тише. Говорят, что он слышит даже мысли, не то, что слова. Ходят слухи, что он в сделке с темногомом Гэгэном. А еще, сцэр хочет выдать за него свою дочь, Ранестхе. Так что не раздражай будущего Китой-хана.

– Когда станет, тогда и посмотрим. Эх, пойду, растреножу коня, да навещу соседний аул. У меня там хорошая знакомая, всегда постель греет.

– Не боишься цепью сверкать?

– Да кто сейчас тут ходит? Только мы, два шатуна.

– Ровной тебе дороги. Мне и здесь в гэре постель мягка.

Мудрецы разошлись. Андор знаками указал Гекру на мудреца, покинувшего воинский аил. Идеальный пленник. Злится на главаря – значит, легче будет допросить. Уезжает, да еще предупредил об этом – значит, никто не хватится. А раз едет к пассии – может и задержаться. И уж тем более никто не поверит рассказням о похищении, лишь посмеются.

Разведчики тихо шагали за мужчиной. Амирские уюргы остались позади. Гекр приблизился к жертве, приготовился схватить за руки, чтобы связать, не дать выхватить оружие или начертать магический знак. Андор подошел сзади. В мгновение ока царевич зажал рот пленника и приставил к горлу кинжал, а Гекр заломил руки за спину и туго смотал бечевой. Цепь аккуратно сложил за пазуху.

Кеттинец улыбнулся. Через кожу стали просвечивать вены, наливаясь бледной синевой, на висках и лбе вздулись пульсирующие сосуды. Глаза налились золотом, исчезли зрачки. Гекр испуганно воскликнул. Руки пристыли к пленнику и по локоть онемели. Андор понял – ловушка, их наверняка вскрыли еще на входе, надо скрываться – но тело уже стало недвижимым, ноги и руки не слушались. Целитель светился ярче, кожа и одежды налились золотом, складки и очертания сгладились. Через минуту свет потух, а оба разведчика оказались в крепких объятиях скалы из черного камня.

На окоме забрезжили первые лучи солнца. К пойманым мужчинам подошел дозорный. Лет двадцати, худощав и смугл, с тонкими закрученными усами. Узкие глаза довольно изучали находку, тупым концом копья парень осторожно ткнул Андора в бок. Царевич рыкнул, повернул в сторону стража голову, вперил невыспанные, налитые кровью, глаза. На лице юноши расплылась довольная ухмылка:

– Тэленов поймал. Китой доволен будет.

Дозорный привел пятерых. Коренастый воин прошептал заклятие и часть камня превратилась в золу. Андор и Герк все же остались скованы каменными кандалами, затекшие ноги подкосились, мужчины распластались по пыльной земле. Поднялись, пошатываясь и спотыкаясь, последовали за конвоем.

У главного западного гэра их встречал молодой смотритель. Парчовый расписной халат прикрывал колени, расписан золотистыми узорами. Широкий зеленый опоясок подчеркивал стройность и крепость торса, красные сапоги из битой слоновьей кожи с подрезанным каблучком плотно подогнаны по икре. Смуглолиций зрел, не шурясь, на бритой макушке играли солнечные пятна. Андор отметил, что привычной косички, как велят обычаи кеттинов, нет, голова чисто выбрита. Зато на лице длинные, тонкие усы, заплетенная хитрыми узлами борода.

Пленников вытолкнули вперед, поставили на колени. Глава отряда доложил:

– Тэленов поймали. Повели отрубить им головы.

– Всею свое время. Потому я и стал зятем хана, что обдумываю каждый шаг.

Китой разглядел мужчин, обошел, заглянул каждому в глаза. Герк потупил взор сразу. Андор смотрел прямо. Глаза кеттина не выражали эмоций, в зеленых озерах царила пугающая пустота, внутри царевича бушевала буря животного страха, но виду не подавал, мысленно твердил уроки Тегона. Спокоен, как вода. Тверд, как камень.

Смотритель отошел.

– Что ж, тэлен. Ты силен духом. Вспомни меня.

Рука извлекла из кармана белый шелковый платок. Утеревшись, мужчина вновь взглянул на пленников. От каждой скулы до подбородка белела узенькая полоса. Близко, лицом к лицу, кеттин тихо прошептал Андору:

– Шрамы, оставленные тобой. Двенадцать циклов назад. Тогда я был вором, а ты охотником. Теперь все наоборот. Символы моей незрелости. Я был так жалок и юн, что не заслужил смерти. К тебе я буду так же беспощаден, тэлен.

Китой повернулся к охранникам:

– Я решу их судьбу после завтрака. Увести пленников в отдельный уюрт. Накормить. Вина не давать – пусть встретят участь трезвыми сердцами.

Хану всматривался в горизонт. Мудрецы рекли, к этой черте, где небо встречается с землей, может подойти только великий духом человек. Недостойным боги налагают пелену на глаза и поворачивают обратно. Некоторые считают, что оком лишь иллюзия, что его нет и земные просторы безначальны и бесконечны. Куда бы ты ни пошел, через сто сорок лет странствий вернешься на прежнее место. Вектир иногда задумывался – может эти некоторые и есть те самые недостойные, уже с пленой на глазах?

На сердце целителя было беспокойно. Близился вечер восьмого дня, а группа Андорра не появилась. Вернулись все остальные.

Уже на третий день Митян навез мясного провианта, его телега ломилась от вкуснейших колбас, рулек, шпика. Медвежатина, конина и баранина – все было густо приправлено солью, чесноком и перцем. Вяленые, жареные, копченые и сушеные лоскутья издавали сногшибательный аромат. Толстяк сначала смотрел на всех зверем, но вскоре раздобрился, выделил полтелеги на ораву.

На четвертый вернулся отряд с Тегоном и Хавером. Все, кроме блондина, потеряли один-два зуба, лицо Хавера больше походило на перезрелую сливу. Нехотя, смуглолицый рассказал, что увлеклись перебродившим молоком и подрались с кеттинскими задирами. Хану вопросительно посмотрел на Тегона. Тот ограничился фразой – хотящего чужую жену встретит ярость мужа.

На шестой день подошла группа Вариона и приковылял Фаддей. Джунгар кратко пересказал все услышанные разговоры, передал вектиру найденные проржавевшие тупые клинки. На вопросы о войсках отрицательно мотал головой. Похаживают воины, недавно осматривал земли сцерский отряд, но никакой подготовки к войне и в помине нет. То же говорил и Фаддей. По лицу видно, что феккоец излазил весь стан, доволен наживой – не один уюрт лишился драгоценностей, однако ничего подозрительного лис не заметил.

– Даже если царевич не явится до последнего луча, мы покинем эти земли.

Хану не заметил появившегося Вариона. Ловкий, грозный и смертельно опасный мужчина передвигался неслышно, что делало его похожим на бесплотного призрака. Вектир сдержанно молвил:

– Он появится.

– Да или нет, но с первыми звездами мы уходим.

Андор появился. Сайтахан гнал повозку быстро, хлестал коней, как только мог. В телеге, прикрытый соломой, лежал царевич. Взгляд блуждал бесцельно, пересохшие губы шептали несвязные фразы. Руки и шея стянуты каменными цепями, к которым прикованы три обезображенных трупа. Хану не сразу узнал членов отряда. Икк, Люй и Гекр лишились глаз и зубов, ниже шеи вся кожа ободрана, тела пестрят полосами от раскаленных прутьев, на лбах выдавлено пятигранное клеймо.

Целитель охнул:

– О, Высший! Что случилось?

Варион беззвучно выругался, отдал распоряжения. Андора унесли в шатер, раздался стук разбивающего цепи молота.

Манохаец бледнел, судорожно сглатывал, вертел головой. Хану принес настойку, заставил выпить. Уняв дрожь, Сайтахан процедил:

– Я ждал в назначенном. Царевич пришел на день позже, волоча этих троих. Говорил я ему, не надо языка брать. Предчувствие плохое было. А он настоял на своем.

– Откуда взялось клеймо?

Смутное лицо вошедшего джунгара побледнело, глаза обеспокоенно заметались из стороны в сторону. Ухватил разведчика за грудки:

– Кто поставил клеймо трупам?

Мужчина вырвался из рук Вариона:

– Спрашивай у Андора, я тут причем? Я дожидался в назначенном!

Хану встал между Сайтаханом и испуганным воином:

– Царевич еще не пришел в себя. Он сильно изможден. Чего ты взбесился?

Джунгар напряженно прошипел:

– Клеймо Гэлемгэна. Это была не просто пытка. Бесовский ритуал. Что мы будем делать, когда шайтаны восстанут ночью? Как вы собираетесь сражаться с мертвыми, не боящимися огня и стали?

Вектир обескуражено взглянул на Сайтахана. Тот опешил, стоял, потеряв дар речи. Посмотрел на Вариона:

– Думаешь, на окраинах Кеттинских земель, среди мирного племени бывших нятов осталась настоящая черная магия? Способная призвать темных духов? Может, это просто наказание тэленов-воров, чтобы другим неповадно было? Среди вашей крови воров терзают жестоко. Все знают, что легкорукые суеверны. Увидев такое, да еще с клеймом, любой крадун в эту степь заходить побрезгует.

Джунгар смутился, на лице появилось сомнение, подозрительно прищурился:

– В твоих словах есть мудрость, однурукий. Но сегодня мой дух будет бодрствовать, а рука не выпустит кинжал и факел. Через два часа в путь, успеете собраться.

Глава 8. Лавьен

Лавиен нетерпеливо помешивал горячий пунш. Изящная серебряная палочка нагрелась и приятно жгла пальцы. Царевич пригубил напиток, поморщился:

– Можно быстрее? Я хочу выехать сегодня же!

Портной, сухонький высокий старик, с длинными ловкими пальцами, поправил монокль. Устало вздохнув, пригладил редкую поросль на макушке, отер ярко красным платком вспотевший лоб. Чуть гнусавя, произнес:

– Господин, мы шьём Ваш наряд всю ночь. Я лучший в своём деле и как никто другой знаю, что спешка – враг красоты. Ваше облачение должно быть не только изящным, но и надёжным. Осталось лишь прошить колет и тройной стежок по шароварам пустить для прочности.

– Ох, Ильдефонс, хватит и одного. Мне же не по горам лазать, да не на конях скакать. Сидеть на пирах, балах, с торговцами беседы вести.

Мужчина вздрогнул, поджал губы. Колени в фиолетовых парчовых бриджах задрожали. Старик проглотил обиду, с мольбой пронудил:

– Царевич, позвольте мне делать работу хорошо. Если кто из швецов, или даже самых захудалых брючников увидит, что Ильдефонс отдал незаконченную работу... Это же позор на весь мой род! Не дайте старому лицовщику так опуститься.

– Хорошо, подожду. Всё-таки пунш великолепен и эта палочка для остужения... Откуда она у тебя?

– О, мой господин, можете оставить её себе. Это мадлер, привезён из далекого Глинтлея, ставшего давеча Лиополем. Чистое серебро, обладает лечебными свойствами. Положите на ночь в кувшин с водой, и та станет полезнее и вкуснее.

Чтобы хоть как-то себя занять, Лавиен принялся рассматривать стену. Под потолком раскинулась перекладина. С неё ниспадали ткани самых разных фактур и цветов. Каштановый, вишневый, ализариновый оттенки будоражили, фисташковый, вердепомовый и малахитовый – успокаивали. Лазурный, сапфировый и ультрамарин рождали мысли о высоком, наполняли энергией. Индиго, сливовый и фиалковый погружали в думы.

Портной никому не раскрывал секреты расцветивания. Покупал беленые ткани изда-лека, платил дорого. Хотя и зарабатывал непомерно больше. Близнецы все наряды заказывали у Ильдефонса. «Когда тот успевал шить ещё и для князей?» Царевич никогда не задумывался, зачем старому лицовщику столько работы. Мог бы обшивать только царскую семью и горя бы не знал. Да и надо ему немного. Мужчина дорогих убранств, еды, домов и земель не признавал. Довольствовался палатами в пять комнат – три занимала мастерская, в одной жил сам, в другой приютил помощников. Жалование спешникам платил щедрое, не обижал. «Что он делает с заработанными деньгами?»

– Господин, работа окончена. Я прошил одежду тройным швом, выдержит любые невзгоды.

Лавьен от неожиданности вздрогнул, с удовольствием кивнул головой:

– Ильде, наш лучший лицовщик! Швец, коих свет не видывал! Спасибо за работу, слуга занесёт тебе должное.

Портной зарделся, отвесил учтивый поклон и протянул царевичу наряд. Тот собственноручно сложил шаровары с пурпуэном в сундук, с некоторым сожалением сел в карету. Лавиену нравилось путешествовать, но он бы с удовольствием отправился в путь верхом, в легкой походной одежде. Сейчас же он посол Веллоэнса – едет с торговой миссией на запад, во владения славного небта Снефру. А значит, выглядеть надо соответственно.

Смуглый худощавый старик поправил тюрбан и потуже затянул повязку на лице. Брови недовольно хмурились, взгляд блуждал по местности, искал ориентиры, следы, дороги. Руки стиснули поводья, бечева резко натянулась и верблюды повернули на юг. Из новехонькой повозки проворно высунулся толстенный мужик в размашистой фиолетовой парче:

– Сдурел, что ли? И так по пустыне мотаемся вторую неделю, еще и шею мне свернуть удумал?

Кучер хмыкнул, равнодушно повел плечами. Голос был сух, как местный кустарник:

– Замело следы. Иду по солнцу. С первым лучом – влево от шара, в полдень – спиной. К вечеру светит в спину справа. Верный ход, долгий... Но верный.

Толстяк визгливо выругался и, проклиная жару, проводника и весь караван, исчез внутри.

В устланной коврами и подушками карете их было двое. Лавьен скучаяще пялился на окрестности – будто в море песка и редких кусточках полыни можно найти что-то интересное. Царевич обернулся:

– Так зачем всё-таки мы направляемся в Маноху?

Толстяк учтиво улыбнулся. Капли пота стекали с его лба крупными градинами, на одежде проступила высохшая соль, а на месте складок виднелись темные пятна – казначей измотан долгим путем, но в разговоре с юношей нет и нотки раздражения:

– Я рассказал о миссии еще в Веллоэнсе. Что хочет прояснить светлейший?

– Цулланур, опять ты за свое! Зачем эти хитрости и выпрашивания? Просто расскажи о небте, предстоящем празднике и...

Лавиен придвинулся ближе, в голосе ощущалось волнение:

– Почему отец дал мне именно это задание? Чего он ожидает? Ты знаешь. А если не знаешь, то уж точно догадываешься.

Казначей достал из ларчика платок, отер мокрый лоб. Толстяк заслужил свое место при царе тяжелым трудом и проницательным умом. Как, впрочем, и все приближенные к владыке. Царь не делал различия между богачом и рыбаком – любой мог стать, кем пожелает. Если хватит умения. У него, коренного Манохайца, умение обращаться с деньгами в крови. Хитрый и проницательный купец смог стать управителем в царском доме, а затем и всем Веллоэнсе. Цулланур протянул Лавиену туесок сушеных орехов:

– Вы воспитывались Минаром. Но искусству общения и управления с деньгами обучал вас я. Могу показаться отступником, или даже еретиком. Но я искренне верю, что Веллоэнс силен своим троевластием. Власть религии, власть царя и власть денег. Шпион Минар дал Вам здоровье, силу и ловкость. Я дал хитрость, ум и расчетливость. С Манохой нас испокон веков связывала торговля – пряности, ткани, диковинные животные. Даже мудрецов, поэтов и стратегов – и тех я покупаю для нашего Царства. Но небт Снефру уже стар и не так дальновиден, как должно быть властителю. В его владениях всего две ветви – власть царя и власть жрецов. Жрецы ведают религией и деньгами, заключают союзы, налагают подати и собирают налоги. Нанимают войска и подкупают убийц. Небт признаваем простым людом и в этом его сила. Но такое могущество хрупко. Не устоит стул на двух ногах. На трех же будет крепко.

– Так почему именно я, Цулланур?

Казначей приподнял бровь:

– Вы любите лесть, царевич? Умейте слушать восхваления с довольством на лице, но не кормите ею сердце. Вы имеете такт и мудрость, которой нет у старшего брата и уверенность, которой не досталось младшему. И... Вы не девушка.

Юноша потер руки. Лицо прояснилось, в глазах засияли искорки:

– Нужен священный союз. Пир может оказаться брачным. Удачный политический и торговый ход. Да и небтаути Мосвен, говаривают, недурна собой.

Необъятный манохаец вынул из сундука игральный пергамент, удобно развалился на подушке:

– Скоротаем время за ири. Брак был бы лучшим исходом. Я же направляюсь к небу лишь для торговли.

Повозка резко затормозила. Кучер опустил поводья, с опаской поглядывал по сторонам. Странники очутились в долине валунов. Огромные, кряжистые камни угрюмо поблескивали иззубренными песком боками. От раскаленной поверхности глыб поднималось марево.

Казначей высунулся из оконца, лицо налито кровью, глаза на выкате. Увидев долину, сглотнул, лицо побледнело. Толстяк обменялся с кучером знаками, скрылся внутри, приложил пальцы к губам.

– Среди камней может быть засада. От горстки бродяг мы отобьёмся, но наёмники... С нами слишком мало воинов и слишком много наживы. Будем надеяться, что проводник знает своё дело. Нас могли заметить, царевич, будьте готовы.

Лавиен кивнул. Руки нашарили изогнутые двухлезвийные клинки. Кханджарли. Их ему подарил Минар. Пальцы защищены плотной полосой стали, головка в виде полумесяца заточена остро. Вначале тренировок наставник давал только деревянные кинжалы. Для каждого оружия есть своя наука. Для меча с щитом – одна. Для двуручного молота – другая. Парное оружие сложно, но может сделать искусного воина в несколько раз опаснее, чем одиночное. Царевич долго учился управляться с этим оружием. Постоянно задевал себя, оставлял на теле ссадины и занозы. Итог превзошел ожидания. Клинок стал частью руки, юноша мог выписывать любые пируэты, прыгать и крутиться – кханджарли двигались плавно, поражали цель наверняка, исчезали за пазухой незаметно.

Путь через валуны казался вечностью. Царевич слышал тревожный стук сердца, пульсацию крови в венах. Цулланур смотрел куда-то вдаль, на коленях лежал посох, исчерченный письменами, руки с силой сжимали твердое дерево. Необъятная туша вздымалась при каждом вздохе, толстяк с натугой сопел, безуспешно пытаясь сохранить тишину.

Вдалеке заржали кони. К обозу стремительно приближалась шайка в тридцать голов. Разбойники одеты в бурнусы горчично-золотистого цвета, сливаются с песком, лишь поблескивают серебристые подвязки. Верхом на пустынных гелишах, в каждой руке по сабле, некоторые вооружены легкими короткими луками.

Кучер спешился, заглянул в карету:

– Нас заметили. Биться против столько головорезов непросто. Попробую откупиться. Сидите внутри.

Лавиен воспротивился:

– Я могу вести переговоры! Если кому и идти им навстречу, так это мне. Они не посмеют тронуть царевича Веллоэнса!

Казначей посмотрел на кучера, перевел взгляд на юношу. Мягко произнес:

– Если разбойники узнают о Вашем благородном происхождении, то не преминут взять в плен. Лучше будет уподобиться купцу и его службе. Я похож на торговца – и одеждой... и формами.

Кучер усмехнулся. Да уж, этот мешок сала очень подходит на местного менялу. Ущипнув бороду, с ехидцей проронил:

– Люди пустыни не страшатся власти и не ценят золото. Но они уважают седину на голове. Пойду я. Если убьют – отправится казначей. Но Вы, царевич – в любом случае не говорите много – из рабства или банды вырваться не сложно.

Старика окружила свара галдящих бандитов. Тот стоял недвижно, понимал – резкое движение, косой взгляд – и каменный наконечник стрелы распорет сухую кожу, пробьет ребро и вонзится в сердце. По щеке прокатилась капля, в горле запершило. Кучер высматривал атамана, искал малейшие признаки отличия – драгоценный камень в наверхше, роспись на обуви, цепочку или перстень. Все были как один – золотистые накидки, простые добротные луки и кинжалы, остриженные песчаные гелиши.

Как по сигналу дикая круговерть остановилась. На мужчину смотрел один из разбойников. Кучер поднял голову, на лице застыло возмущение:

– Сколько тебе лет, атаман?

Всадник захохотал:

– Шудр осмелился заговорить! Сколько мне лет? Я не умею считать!

– Как же ты делишь добычу среди братьев?

Орава хранила гробовое молчание. Атаман хохотнул:

– Умён старик. Ответь ка на мой вопрос – как ты будешь говорить, когда я отделию голову от тела?

Цулланур, наблюдавший за толпой, шепнул Лавиену:

– Его до сих пор не убили. У нас есть шанс выжить.

Царевич кивнул.

Кучер простер руку в сторону главаря:

– Где твой старший брат?

Разбойник перестал смеяться и опустил саблю. В голосе появилась злоба с примесью испуга:

– Что ты знаешь о моем брате?

Старик пожал плечами:

– Уже знаю, что он есть, а это немало. Старших можно ненавидеть, но уважать их обязаны все.

Свара притихла. Кучер ощущал, как оторопели бандиты, видел, как с силою сжали они оружие. Понизив голос, мужчина продолжил:

– У тебя есть и отец. У каждого из нас он есть. Я не видел своего, но оказываю честь давшему мне жизнь. И что вижу? Дети пустыни, известные своим почитанием традиций, смеются над человеком, который годится им в отцы?

В воздухе копилось напряжение. Цулланур выудил из кармана шёлковый платок, отёр заливавший глаза едкий пот. Лавьен дышал тихо, краем глаза наблюдая за кучером и головорезами. Старик стоит прямо, смотрит на одного из бандитов, скорее всего, главаря. В шайке никто не восклицает, не скачет – все застыли в нерешительности. От камней веет жаром, воздух маревеет.

Вдалеке раздался трубный зов. К ним приближался еще один разбойник – щуплый коротышка. В отличие от всех всадников скакал он не на пустынном гелише, а на изящном красношкурном арпейне. Кошак двигался грациозно и стремительно, за один прыжок преодолевая расстояние в двадцать шагов. Когда до шайки оставалось прыжков девять, арпейн остановился. Карлик закричал:

– Оставьте эту мелочь! Через три бархана караван! Если поторопимся, нападём среди долины, внезапно!

Разбойники пришли в себя, загоготали. Вскинув сабли над головами, шайка последовала за щуплым мальчишкой. Один из бандитов напоследок обернулся к старику:

– Когда-нибудь мы встретимся. И тогда разговоры о чести тебя не спасут.

Едва разбойники скрылись из виду, кучер запрыгнул на козлы, натянул поводья. Ехали быстро, стараясь как можно скорее увеличить расстояние между ними и бандитами. Если те одолеют хорошо защищенный караван, то будут грабить и пировать неделю. После загребут наживу в тайник и сызнова отправятся на промысел. В любом случае, нужно уйти подальше.

Миновав долину камней, со стороны каравана что-то взорвалось. Волной оглушило, верблюды испуганно потянули поводья, с повозок свалились мелкие сундуки. Цулланур выглянул в оконце, недовольно нахмурил брови:

– Так и знал. Какой же караван без мага.

Следующие четыре дня прошли спокойно. Обоз с царевичем миновал скалистые расщелины, сразу выйдя на заселенную долину. Вся местность усеяна россыпью глиняных домиков – каждый в два метра высотой, друг от друга недалеко, едва протиснется запряженная колесница. Повозки спустились с холма, неторопливо покатались меж серых жилищ. Из убогих хижин робко выглядывали перемазанные люди, грязные волосы всклокочены, в глазах боль и страх. Лавиен выглянул из окна, с ужасом и брезгливостью отпрянул, захлопнул ставню. За край дверцы ухватилась рука – вся покрыта коростами, кожа растрескана, в трещинах багровеет раскрытая плоть. Кучер оттолкнул попрошайку шестом, достал багор. Серый люд топтался у хижин, желтоватые глаза смотрели исподлобья, с голодом и ненавистью, но преградить путникам дорогу никто не решался.

Царевич посмотрел на казначея. Взгляд выражал отвращение и жалость:

– Кто эти бедняги? Небт Снефру настолько беден, что оставил подданных подыхать на этом горшечном поле?

Толстяк покачал головой, сожалеючи молвил:

– Не все земли живут уставом Веллоэнса, господин. Из-за разбойников мы вошли в Маноху черным ходом. Эти люди – невольники, какой-то купец держит их для производства кирпичей. Правителю непросто держать все области под контролем.

Лавиен опешил:

– Но в нашем Царстве тоже много рабов и они не выглядят такими измученными.

– Ваш отец, а также многие цари до него чтят Устав Древних. Не только на словах, но и делами. Когда Царь чтит мудрость веков, то и Царство его утверждается навечно. Но у других владык – по воле Высшего или ещё по какой причине – алчность пересиливает добродетель. Да и в Веллоэнсе есть нечистые на руку – страна велика, и город городу рознь.

Юноша прислонился к стенке, закрыл глаза. От продавливающих щебень и глину колес на всю карету передавалась мелкая дрожь. Вибрация переходила на тело, расслабляла, успокаивала, настраивала на думы. Да, Веллоэнс стал великим Царством. Отец всегда был справедлив и милостив, он устроил управление государством так, что каждый мог стать тем, кем хотел. При этом не было секретов и тайн. Магия стала бытовым инструментом работы. Крестьяне с помощью несложных заклятий вспахивали землю, выкорчевывали камни с полей. Дровосеки точили топоры и на месте срубленных деревьев одним взмахом высаживали молодые побеги. Если человеку не нравилось его ремесло, он всегда мог переучиться. Суфий, старейший из мудрецов, занимался подготовкой наставников и пророков. Каждый из жителей мог узнать, к чему есть способности. В городе отличный университет, магистры и учителя путешествуют по всей стране, организуют замечательные школы, преподают науки. Из многих крестьян вышли замечательные стратеги и инженеры, некоторые музыканты стали руководить армией, а стоначники, пресытившись военными походами открывали свои кожевенные и кузничные лавки. Даже непутевые и ленивые были при деле. Рабы жили в домах господ, питались не хуже хозяев и вполне довольствовались своим положением. Обычно, никто из рабов, после семи положенных лет службы, не пользовался правом стать свободным. Почти никто...

– Мы подъезжаем, господин. Смахните пелену сна.

Лавиен приосанился, одёрнул задрвшуюся гуяверку. Выглянул в окно. Серое поселение осталось позади, мимо проплывали скалистые зубцы, холмы, усеянные редкими деревцами с широкими листьями на самой верхушке, в илстых ручейках плескались дети. Повозка вывернула на оживленную базарную площадь. Тут и там стояли лотки с фруктами, тканями, специями. Торговцы зазывали прохожих, расхваливали товар. По рынку шныряли менялы, обменивали медяк на куль фиников, финики на куль орехов, орехи на два арбуза, каждый продавали по медяку. Сновали и воришки. Вокруг представления собралась толпа зевак – худющий, как скелет, меднокожий мужчина в набедренной повязке, не торопясь расхаживал по красным углям, останавливался, вставал на руки и прогуливался вниз головой. В момент узел между ног развязался и повязка сползла на талию, представив на обозрение внушительное достоинство трюкача. По толпе пошел гогот, огнеходец пытаясь поправить тряпицу, потерял равновесие и грохнулся на угли, подняв клубы золы.

Лавиен успел заметить, как в эти секунды легкие руки срезали несколько подвязных кошель. Негодую, царевич обернулся к Цуллануру:

– Да он заодно с ворами! Отвлекает прохожих, пока босяки подчищают карманы!

Казначей как-то странно улыбнулся:

– О, нет, господин! Он просто взял дополнительную плату за особое представление. Мы еще только приближаемся к сердцу Манохи. Будьте осмотрительны царевич – это мелкие проказники. Настоящие дельцы живут при царе. Срезать кошель – несложно, а дворцовые проныры опустошают сокровищницы одним языком.

«Наверное, поэтому ты и успешен в этих краях, Цулланур», подумал Лавьен.

Обитель небта поражала своим устройством. Базарные площади и жилые дома упирались в массивную округлую стену. Глиняная ограда возвышалась на шестьдесят локтей, сверху через узенькие бойницы угрюмо наблюдали стражники. Повозка приблизилась к воротцам. Казначей отдал охраннику письмо. Тот разломил печать, бегло пробежался по тексту. Отворил ставни. Размер прохода оказался аккурат по обозу. Кучер направлял верблюда умело, ни колесо не зацепил, ни подножку не шоркнул.

Внутри, поодаль от центрального парадного пути находились постоянные дворы, базары, конюшни – купцы и послы с челядью устраивались на ночлег, развьючивали мулов, заключали сделки, отдавали животину на заботу конюхов.

Сам дворец напоминал огромный, выдолбленный в скале полукруг. Он не был так высок, как царский замок в Веллоэнсе. Но зато раздавался вширь куда хватало глаз. К центральным воротам вёл широкий подкат, по бокам выдолблены ступени и установлены перила. Среди колоннами покоились медные жаровни. Солнце скрывалось в облаках, дневной жар растаял и тепло поддерживали алеющие в этих полусферах угольки.

Лавьен поёжился и протянул руки к огню. Кучер занёс вещи в покои, служанки небта суетились, наводили порядок, застилали постели, брызгали благовония. Царевич с казначеем успели как раз к началу празднования. Три раза в год правитель Манохи отворял свои ворота для торговли и заключения союзов. Праздник начинался с вечернего пира, поднесения даров и возвеличивания властителя. Следующий день посвящался служению в храмах. Во дворце отводилось несколько залов и открытых площадок для отправления ритуалов. Количество капищ, жертвенников, святилищ, пирамидок и статуй поражало. Были здесь и шигиры кеттинов и идолы Офира и тотемные столбы, возвышалось редкое лиартовое дерево – символ бога плодородия Бадучены. Грозно зрела на проходящих бронзовая статуя Мокошь. Складка подола богини образовывала жертвенник, раскаленный подложенными в выемку углями. Рядом стоял невысокий каменный цибар, доверху наполненный козьей кровью, здесь же лежал ритуальный нож и оскобленный рожок. Древние последовательницы культа – кровавые жрицы – настаивали

на приношении в жертву людей. За это их много преследовали в прошлом – во Второй Земле их теперь было не встретить. Но для увлекающихся этот уголок мог хотя бы потешить религиозное самолюбие. Как и для многих других верующих. Лишь адептам многочисленного пантеона Манохайских божеств было где развернуться. Просторная зала с трехметровыми статуями, многочисленные жрецы и прислужники, обилие месс и возношений – каждому гостю сразу становилось ясно, кто тут главный.

Третий день посвящался переговорам. Послы государств договаривались о ценах и товарах, обязательствах и союзах. Только после предложения небту, купцам разрешалось торговать между собой. Эти сделки были мельче и по стоимости и по объему, но споры шли жаркие, за порядком смотрела утроенная охрана. Следующие дни проходили тихо – гости собирали пожитки, закупались, оговаривали оставшиеся условия. И так до следующего совета.

Цулланур нарушил думы Лавиена:

– Все наши обозы подошли. Я проверил товары – всё на месте. Нам пора идти на празднование.

Внутри зала пылали жаровни, освещая покрытые известью стены. Купцы, послы и вельможи держали в руках чары с подогретым вином, заедали сладким инжиром, копчеными бананами и финиками. Длинные узкие столы, накрытые красными скатертями, пусты – пир начнется после ритуальной молитвы и благодарения богам. Широкие лестницы поднимаются ко второму ярусу – на нём уже толпится народ, люди подходят к окнам, вдыхают бодрящую прохладу вечера. Царевич обратил внимание на меднокожего карлика. Обритый, глаза подведены углем, на плечах алеют фигуристые начертания зверей. Запястья закрыты кожаными браслетами, душегрейка из верблюжатины распахнута, кольчужный поясок плотно держит ярко раскрашенные шаровары. Карлик скучал у таза с напитком, рассеяно смотрел на толпу.

Лавьен подошел к нему, опустил чару в таз, сделал маленький глоток. Зеленоватая жидкость слегка горчила, щеки и язык вязало, во рту оставался слабый пряный аромат.

– Тэж.

– Что?

– Тэж. Напиток моего народа.

Коротышка подошел ближе:

– Я делаю его без хмеля. Специально просушенные и измельченные листья синецвета, с медом диких пчел и вытяжки лечебных грибов. Много не пей, с непривычки разболится пузо.

Царевич кивнул, поставил чару.

– Ты торговец? Или посол?

– Я содержу местный зверинец. У небта есть редкие существа и лишь я знаю, как их охаживать.

– Потому с тобой никто не ведёт разговор?

Карлик ощерился:

– Зачем терять время на прислугу, если можно завести полезные знакомства. А ты откуда?

Лавьен посмотрел на собеседника. Выдал заученную фразу:

– Помощник господина Цулланура. Он великий торговец из Веллоэнса, соблаговолил взять меня с собой.

Чуть помолчав, продолжил:

– Как твое имя? Из какого ты народа?

– Зови меня Тэж. Мой дом в Иоппии, хотя вряд ли ты слышал об этих землях.

– Это восточнее Веллоэнса. Господин рассказывал мне про эту страну.

Глаза коротышки округлились, на лице проступило удивление:

– И что же тебе поведали?

Юноша поперхнулся, спохватившись, что сказанул лишнего:

– Ну... что там тепло, только деревьев больше, чем здесь. И еще, что там ходят огромные звери с хвостом вместо носа, под которым две костяных сабли. Так хочу увидеть эту диковинную тварь, да боюсь – вдруг сожрёт.

Тэж расхохотался:

– Да это аллий, или ани. Манохайцы кличут его пентахи, кеттины – элифэнтот. Твари эти спокойные, неповоротливые, жрут одну траву. Их можно использовать, как передвижные башни, держит эта громадина большой вес.

Иоппиец ухмыльнулся, в глазах дернулись озорные огоньки:

– Пойдём, ещё не те чудеса покажу – челюсть отвиснет.

– Но господин...

– Тут до церемонии еще час и больше. Успеем.

Тэж отворил небольшую дверцу, зажег сферу и повёл царевича по узкому проходу. Вскоре они вышли в прохладный зал. Карлик приложил палец к губам, указал на боты из шкур. Тихо провёл к клеткам. В темноте посапывали чудные животные. Зверовод с нескрываемой любовью шептал:

– Это огнистые стриги, или по-другому, буроцветы. Единственные птицы, которые умеют летать назад. Не смотри, что такие маленькие. Очень быстры, а клюв ядовит. Ещё они хорошо дрессируются. Я знаю более десяти видов стригов и знаю, как их ловить. А вот – золотистый гелиш, дитя пустыни. Может скакать десять дней без воды и пищи, жара песков не боится. Древнее имя этого рода – онзир. Больше всего я хочу поймать гелишей Азмодая. Черны как уголь, на вид – обтянутый шкурой скелет. Но такого ни стрелой, ни мечом не возьмешь. А в глазницах пылают огни преисподней.

Лавиен удивленно просипел:

– Как такого взять? Если ни стрелой, ни мечом. И арканом никак, вестимо?

Иоппиец ухмыльнулся:

– Цепь надо заговоренную и браслет. Накинешь на шею – будет тебе рабом, без слов поймет.

Царевич заговорщически взглянул на Тэжа. Лицо ослабившегося коротышки в тусклом сиянии огонька выглядело страшно. Сглотнув, юноша подошел ближе, прошептал:

– Ловил ли ты арпейнов? Хозяин бы много заплатил за такого...

– Арпейны... Я люблю этих изящных кошек. Какого именно ты хочешь?

– А они разные бывают?

Тэж скривил мину. Лавиен ощутил, что краска залила лицо – даже в зверинце посветлело. Карлик указал в темноту, мягко зашагал к затенённому вольеру. Клетка из толстых стальных прутьев была обмотана шипастой сетью, в глубине чернело логовище. Обойдя загон, отворил незаметный доселе лаз. Царевич протискивался осторожно, стараясь не порвать одеяние – ход сделан по росту маломера, ему как раз. Попад внутрь, полезли в логовище. Юноша двигался гуськом, ноги сразу же загудели. Перед лицом маячила спина, заграждала источник света. Через минуту проход расширился и мужчины оказались в просторной жаркой пещере. Потолок и стены выскоблены до блеска, в железных ваннах тлеют угли, освещая логово, дым уходит через отверстие под потолком. Другой проход, пошире, затянут воловьей шкурой. Царевич оглянулся, с хрустом потянулся, принялся разминать затекшие бедра. Карлик сложил руки трубочкой, дунул.

Из закутья бесшумно проскользнул высокий тонконогий зверь. Под плотной красноватой шерстью перекачиваются тугие жилы, на мускулистая шея переходит в плоскую голову с покатым лбом и черным носом. Существо зевнуло – Лавиен подумал, что острые загнутые клыки как-то уж неестественно длинны – и повалилось на спину, оказавшись у сапог Тэжа. Карлик присел, мозолистая ладонь погладила брюхо:

– Арпейн – лишь название семейства. Их тоже больше десяти видов, но многие знают только луранов. Искусные охотники изредка слышали об их младших братьях, кеббанах. Стихия этих существ – земля. Можно нечасто встретить зверей водной и воздушной стихий. Но огненным и эфирным тварям этот мир чужд, здесь им неуютно и увидеть такого – истинная удача.

Тэж замолчал, почесал зверя за ухом, взгляд упер в жаровню:

– Этого джубата я поймал еще котёнком. Выхаживал долго, но теперь он мне как брат. Большинство арпейнов перекидываются людьми. Некоторые даже считают себя людьми и думают как люди. Джубатам такая маскировка не нужна. Зачем, если их разум ближе к звериному. Как и инстинкты.

Царевич осторожно спросил:

– Стригов как и арпейнов тоже больше десяти видов. Ты говоришь, это как-то связано со стихиями?

Карлик непонимающе уставился на юношу, лицо вытянулось, извилины заскрипели:

– Ты умеешь считать больше десяти?

– А ты нет?

– Мне больше не надо. Люблю порядок. К чему мусор в голове?

Лавьен смутился. Тэж захохотал, обнажив крупные серые зубы:

– Хорошо, мудрец! Вернёмся в зал и поднимем чары с моим пойлом!

– За арпейнов!

– За всё, что больше десяти!

В зале пировали. Царевич набрал чару тэжа, прислонился к белой мраморной колонне. В теле ощущалась необыкновенная лёгкость, мысли текли размеренно. Это особое состояние было знакомо юноше. Когда Минар проводил тренировки по метанию кинжалов, заставлял сочетать полную концентрацию на мишени и, в то же время, расслабленные мышцы. Лавьен любил это состояние. Голова работает напряженно, а тело находится в покое – при этом все движения точны и быстры.

«Сконцентрируйся, расслабься» – таков был урок старого наставника. Юноша поправил оборки на рубахе, стал наблюдать за происходящим, рассматривать помещение. Дарбар бочкообразной формы, потолок поддерживают восемь колонн – по четыре с каждой стороны. За второй и третьей парами колонн в стенах видны двери. Оттуда придворные выносят пищу и питье, и туда же уносят остатки блюд и грязную посуду. Он с Тэжем пришел через дверь за четвертой колонной. Там стены закрыты шторами, цветные лоскутья спадают от самого потолка, тянутся по стене, огибают трон небта. Около третьих колонн на второй уровень ведёт лестница. По абрису в камень вделаны обитые медью деревянные перила. Со второго яруса зал видно лучше, да и воздух прохладнее, ведь идёт сразу из окон.

Лавьен перевел взгляд на небта. Снефру уже далеко не молод, лицо изрезано морщинами, на загорелых щеках белеют вертикальные полосы – ритульные шрамы джунгар. Говаривали, что ещё мальчишкой будущего небта отдали в попечительство волхву этого народа – факиху. Учитель был жесток и справедлив, и небт, получив Маноху, правил железною рукою, приумножая богатство страны, искореняя всё, что казалось ему неважным. Для каждого местного знаком истинной власти остались шрамы – символ того, что мальчик стал мужчиной, а мужчина дорос до воина-правителя.

Ныне же былая слава удалого властелина испарилась. Рослый удалец состарился, ссохся, руки истончились и не могли с прежней крепостью удерживать оружие, взгляд потух и уже не излучал былую силу. Небт по обычаю был полностью обрит, глаза подведены углем, ногти переливаются цветом янтаря. Голову покрывает платок тончайшего полотна, схваченный обручем в виде двух переплетающихся уреусов – один из золота, другой из черного оникса. Змеи

обвиваются вокруг головы и в области лба кусают друг друга за хвост. От плеч до подошв спадает одеяние – белая полоса ткани, прошитая наклонными фиолетовыми линиями с золотистым пояском. Левая рука небта облачена в замысловатый наруч – металл переливается всеми цветами радуги, вставленные камни отражают блики огня, прорези образуют надписи на древнем, неизвестном Лавьену языке.

Небт поднял руку. В зале воцарилась тишина и началась церемония открытия торжища. Один за другим торговцы подносили дары правителю Манохи, возносили хвалу богам и оглашали свои помыслы. Подошла очередь Цулланура. Казначей пал ниц перед троном, воздел руки к небу:

– Боги даровали нам мир и безопасность в пути. Да наполнят они земли господина плодородием! Да охранят от руки злой и языка лживого! Да благословят долголетием и здоровьем небта-правителя Снефру! Я, ничтожнейший из людей, Цулланур, казначей царства Веллоэнс. И, по велению господина моего царя, принес дары – благовоние, зерно и мудрость вечную.

По знаку казначея слуги вынесли три сундука. Толстяк, тем временем, продолжал:

– Благовоние – жрецам, как символ мирной жертвы. Зерно – ремесленникам и земледельцам, да будет труд их успешен и наполняет изобилием страну. Мудрость вечная, свитки древних – тайноведцам, книжникам и вектирам – да устроят житие земное с опекой и смыслом.

Цулланур замолчал. Напряжение росло, Лавьен заметил, как по лбу казначея скатился мутноватый шар, проторил дорогу по шее и растекся темным пятном по рубахе:

– Тебе же, великий небт, господин мой, царь приготовил иной подарок. Да явится радость очей Веллоэнса и предстанет перед очами властителя царевич Лавьен!

Юноша подошёл к казначею. Тот учтиво подвел парня к небту и, отвесив поклон, удалился. Снефру встал, приблизился к юноше. Выпрямившись, он оказался на три головы выше царевича. На Лавьена смотрели черные глаза, губы строго поджаты, жёлтое лицо иссушено палящими лучами солнца и выщерблено песком. Небт обратился к пиршествующим:

– Сердце Манохи забилося сильнее, увидев дитя прекрасного Царства! Да отмерят ему семь перемен одежд и нагрузят его верблюдов ценнейшим маслом страны из цветов пескорливого древа!

Юноша поклонился:

– Благодарю тебя, светлейший. Да сияет вечно солнце во время трона твоего и обогревают лучи эту землю. Для благого небта есть у меня личный дар.

Зал замер. Краем глаза Лавьен увидел, как побелел Цулланур. Дыхание толстяка стало судорожным, рука потянулась за платком. Царевич выудил из кармана серебряный цилиндр, приплюснутый с одной стороны и расширяющийся с другой:

– Это мадлер, привезён из далекого Глинтлея, ставшего давеча Лиополем. Чистое серебро, обладает лечебными свойствами. Обогащает воду свежестью и придает особый вкус.

Впервые за весть пир юноша увидел, как Снефру улыбнулся. Небт принял подарок, неторопливо кивнул. В глазах зажглись искорки. Правитель возгласил, в голосе улавливались довольные нотки:

– Истинно, это дитя своей страны! Я принимаю подарок. Мои умельцы сделают гравировку уреуса на этом предмете! Да продолжится пиршество.

Лавьен поднялся на верхний уровень, улегся возле столика с едой. Низенький, до колена, трапезник, ломился от всяческих яств. Преимущественно, место занимали сушеные фрукты и лепешки. Мяса было немного, да и в такую жару его особо не хотелось. Царевич съел несколько фиников, отправил в рот маисовый лаваш с медом, запил абрикосовым киселем. Приправленный тминовым порошком, кисловатый напиток приятно разбавлял сладость. Внизу заиграли флейты с кимвалами, придворные искусно выводили заливистые трели, выбе-

жали акробаты и циркачи. Царевич привстал, подошёл к перилам. Мускулистая зеленокожая циркачка лихо вертела цепями с помпонами на концах. Слуги прикрыли жаровни и в зале стало темно. Вдруг один из артистов поднес к губам бутылку и изверг изо рта огненного змея. Пламя запалило помпоны и те, искрясь и кадя, превратили выступление в захватывающий танец тени с огнём.

Юноша ощутил прилив тошноты. От запаха дыма в голове помутилось, внутри неприятно сжалось. Лавиен, проталкиваясь через глазающих на зрелище купцов, спешил к оконцу, вдохнуть свежего воздуха. Подбежав, почти до середины высунулся в узкую щель, не в силах сдержать тошноту. Содержимое желудка вырвалось на волю. В тот же момент кто-то крепко схватил царевича за ноги и опрокинул наружу. Парень не успел крикнуть, как по голове чем-то треснуло и сознание померкло.

Перед глазами проскальзывали искры, затылок противно ныл, желудок и легкие горели. Юноша очнулся. Во рту отвратный кисловатый вкус, затекшие мышцы не слушаются. Ему понадобилось несколько минут, чтобы понять, что произошло и где он находится. Царевич повис на цветочном крюке, зацепившись за стальную загогулину шаровариной. Штанина разошлась, по краю шва поблескивали толстые нити.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.